

Регула М. Цвален

Спутники по разным путям: Николай Бердяев и Сергей Булгаков¹

И пошли они по разным дорогам. / На век одни.
Под горой, в селень и убогом / Зажглись огни.
Расстиляется тайной лиловой / Вечерний путь.
Впереди — равнина и снова / Туман да муть.
Все дороги верно сойдутся / В граде святом.
В одиночку люди плетутся, / Редко — вдвоем.
Где скорей? По внешнему лугу / Иль тьмой лесной?
Поклонились в землю друг другу / — Бог с тобой!
И пошли. В селень и убогом / Чуть брезжит свет.
Все ль пути равны перед Богом / Или нет?

Аделаида Герцык (1910)²

«[Булгаков] шел в паре с Бердяевым в эти года», — пишет Андрей Белый о начале XX века в России, — «и они появлялись вместе; и вместе отстаивали свои лозунги; уже потом раскололись; обоих мы звали: «Булдяевы» или «Бергаков»³.

¹ Автор благодарит Е. В. Павлову за перевод с немецкого языка.

² *Герцык А. К. Sub rosa*. М., 1999. С. 127–128.

³ *Белый А.* Начало века. Chicago 1966. С. 493. И. Л. Солоневич в данной связи говорит об обороте «Бердяй Булгакович». В. Н. Акулинин.

Феномен «Бергаков» подробно рассматривается в сравнительном исследовании об антропологии Бердяева и Булгакова.⁴ Данная статья представляет собой одну из глав этого исследования, посвященную истории их взаимоотношений. Подобно паззлу, из многочисленных, в том числе опубликованных в «Исследованиях по истории русской мысли» архивных документов, из переписки и публикаций собиралась общая картина сложных отношений между обоими мыслителями.

Идейное, духовное влияние Бердяева и Булгакова распространяется на весь XX век. Его начало и конец были обусловлены в России религиозным Возрождением, что можно истолковать как реакцию на зарождение и упадок атеистической идеологии в стране. В Западной Европе проявилось своего рода религиозное пробуждение во Вселенском Движении 30-х гг. XX века, которое привело в 1948 году к образованию «Всемирного совета церквей» (ВСЦ), а в 1962–1965 гг. — к реформированию римско-католической церкви на Втором Соборе в Ватикане. Организации и группы, выходцы их этих кругов, принимали активное участие в выработке Всеобщей декларации прав человека Объединенных Наций в 1948 г., а позднее в деятельности «Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» (KSZE)⁵. Ранняя критика марксизма Бердяева и Булгакова сформировалась в тревоге за свободу человека. Вопрос о том, что после Второй мировой войны должно было стать задачей полити-

С. Н. Булгаков: Вехи жизни и творчества // В. Н. Акулинин. Христианский Социализм (С. Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. С. 16.

⁴ *Zwahlen R. M.* Das revolutionäre Ebenbild Gottes. Anthropologien der Menschenwürde bei Nikolaj A. Berdjaev und Sergej N. Bulgakov. Münster, 2010 (Syneidos. Deutsch-russische Studien zur Philosophie und Ideengeschichte. Bd. 5).

⁵ *Menke Ch., Pollmann A.* Philosophie der Menschenrechte zur Einführung. Hamburg 2007, S. 10–11; K. Kunter. Die Kirchen im KSZE Prozess 1968–1978. Stuttgart 2000. S. 233.

ки по правам человека, они сформулировали прежде всего не с правовой, а с религиозной точки зрения⁶.

Не случайно Бердяев и Булгаков во всех этих исторических процессах играли прямую и косвенную роль: как критики-эксперты и «религиозные революционеры» во времена революций в России, как представители русского православия во Вселенском движении в промежуточное между войнами время в Западной Европе, и, отчасти, как авторитеты для религиозного переосмысления в 90-е гг. XX века после развала Советского Союза. Именно последнее было проблематично. Уже вскоре начали опасаться, что «русское наследие» религиозной философии якобы возвышено до масштабов новой идеологии⁷. Сергей Хоружий констатировал опасность идеологической селекции и эксплуатации «классиков» в целях цементирувания националистических и фундаменталистских предубеждений и ценностей⁸. Безусловно, подобное возможно и в отношении Бердяева и Булгакова, которые выступали за элементы мессианской «русской идеи». Но поскольку оба оставались резкими противниками евразийской мысли, которая сегодня в русском радикализме правых находит дальнейшее распространение, сложно воспринять их серьезно в этой связи. Эkleктичная рецепция обоих мыслителей прослеживается и по сей день. Однако, конец 90-х гг. XX века в России ознаменовал её тщательную научную, прежде всего, истори-

⁶ *Chamberlain L.* The Philosophy Steamer: Lenin and the Exile of the Intelligentsia. London 2006. P. 241.

⁷ *Gethmann C. F., Plotnikov N.* Philosophie in Russland. Tendenzen und Perspektiven. Bad Neuenahr-Ahrweiler, 1998. S. 22; J. Scherrer. Die utopische Rückkehr in eine heile Welt der Vergangenheit / E. Müller, F. J. Klehr (Hg). Russische religiöse Philosophie. Das wiedergewonnene Erbe: Aneignung und Distanz. Stuttgart 1992, S. 101.

⁸ *Хоружий С. С.* Путем зерна: Русская религиозная философия сегодня // Вопросы философии. 1999. № 9. С. 142; см. также: *Плотников Н. С.* Философия для внутреннего потребления // Неприкосновенный запас. 2002. Т. 2 № 22.; *Scherrer J.* Kulturologie: Russland auf der Suche nach einer zivilisatorischen Identität. Göttingen, 2003, S. 38–39.

ческую переработку, которая показывает, насколько сложно интерпретировать в рамках исторического контекста и современных дискурсов.

Для чего, собственно, сравнивать Бердяева и Булгакова? Совместная публицистическая социально-политическая деятельность, схожие идейные положения, но, наряду с тем, большие различия привели к тому, что в рецепции или их одним махом ставят в один ряд друг с другом, или как философа персонализма (Бердяев) и теолога Софии (Булгаков) разводят по разным сторонам. Обе позиции должны быть в данном случае опровергнуты. Модест Колеров также видит в сравнении Бердяева с Булгаковым важную проблему, которую предстоит ещё решить. Проблема является трудно решаемой, «потому что Булгаков и Бердяев, проживши бок о бок целую жизнь, много работали вместе, но мало сталкивались и полемизировали, словно договорившись о взаимном молчаливом нейтралитете и из лобового догматического столкновения их текстов мало что следует»⁹. По свидетельству жены Лидии, Бердяев сам в 1936 г. заговорил о «небольшом собрании для выяснения различия моего учения о человеке в связи с учением о. Булгакова о Софии»¹⁰. Но оно так и не было реализовано. Именно решению этой задачи посвящено исследование автора этой статьи. При этом огромную роль сыграло развертывание исторического контекста. Только благодаря этому можно было протянуть нить, связывающую жизненные пути обоих мыслителей.

Дружба Бердяева и Булгакова поддерживалась, как известно, несмотря на все споры и разность во мнениях. Об этом свидетельствует письмо Булгакова от 7 июня 1933 г., в котором он благодарит Бердяева за поздравления по случаю пятнадцатилетия со дня своего посвящения в духовный сан:

⁹ Колеров М. А. Заметки по археологии русской мысли: Булгаков, Новгородцев, Розанов // Логос. 2001. Т. 4 № 30.

¹⁰ Бронникова Е. В. Лидия Бердяева. Профессия: Жена Философа. М., 2002. С. 137.

«Среди многих приветствий, мне большую и особую радость доставило Ваше, как радостью было 15 лет назад Ваше присутствие в Даниловском монастыре. Благодарю Вас и за Ваши дружеские строки, в которых слышатся мне как бы итоги нашего долгого совместного, никогда не сливавшегося, но всегда параллельного духовного пути. Но параллельные линии, не сливающиеся в Евклидовом пространстве, сливаются в за-Евклидовом пространстве, там, где «в доме Отца многие обители суть».»¹¹

Если рассматривать параллели взаимоотношений Бердяева и Булгакова в их геометрической проекции, то налицо как непрерывная дистанция между обоими мыслителями, так и постоянные точки пересечения за счет соразмерного положения и направления линий в пространстве. Проследим же общий путь мыслителей, обрамленный совместной общественной деятельностью, сильными противоречиями и, прежде всего, возобновленными дружескими отношениями в последние годы. Именно этот последний период в истории взаимоотношений, отразившийся также и в записях Бердяева и Булгакова, ранее не удостоивался внимания исследователей и представляет проблему в новом свете.

1. Встреча на «заре» (1901–1902)

В 1901 году, в «год зорь» по выражению А. Белого¹², Бердяев и Булгаков встретились впервые в Киеве. Киев был в то время одним из важнейших центров социал-демократического движения¹³.

¹¹ Струве Н. А. Братство Святой Софии: Материалы и документы 1923–1939. М., Париж, 2000. С. 251.

¹² Белый А. Начало века. С. 13.

¹³ Дмитриева Н. К., Моисеева А. П. Философ свободного духа. Николай Бердяев — Жизнь и творчество. М., 1993. С. 11.

Николай Александрович Бердяев родился 6 марта 1847 г. в семье киевских дворян. В 1894 г. он поступает в Киевский университет с целью стать профессором по философии, становится членом марксистского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. В 1899 г. его повторно арестовывают, что привело к исключению из университета, к тюремному заключению сроком на один месяц и к трехлетней ссылке в Вологду. Имеется соответствующее письмо Бердяева в департамент полиции с заверением о его невиновности, в котором он подчеркивает свою незаинтересованность в политике в противоположность интересу к философии и абстрактной мысли¹⁴. В 1903 г. Бердяев возвращается из ссылки обратно в Киев¹⁵.

Сергей Николаевич Булгаков родился 16 июня 1871 г. в маленьком городе Ливны Орловской губернии в семье священника. В Московском университете он изучал политэкономия и право и в 1901 г. был приглашен в качестве профессора по политэкономии в Политехнический институт и как частный доцент в Киевский университет. В Киеве он прожил со своей семьей¹⁶ до 1906 г.¹⁷ Ввиду большого успеха и связей с революционным студенчеством он часто находился под наблюдением инстанций до тех пор, пока под впечатлением от революции 1905 г. не оставил службу. Инстанции разошлись во мнениях на этот счет: министерс-

¹⁴ *Бердяев Н. А.* [Объяснительная записка в Департамент полиции] (1898) // Исследования по истории русской мысли [4]. Ежегодник за 2000 год. М., 2000. С. 315–322.

¹⁵ *Дмитриева Н. К., Моисеева А. П.* Философ свободного духа. С. 9–19; *Vambauer K. u. G.* Einführung // N. Berdjajew. Wahrheit und Offenbarung: Prolegomena zu einer Kritik der Offenbarung. Waltrop 1998, S. 3–4.

¹⁶ Подробнее о жене Булгакова Е. И. Токмаковой (1868–1945) см.: *Козырев А., Голубкова Н.* Прот. С. Булгаков. Из памяти сердца. Прага (1923–1924) // Исследования по истории русской мысли [2]. Ежегодник за 1998 год С. 215, прим. 109; о её семье: *Половинкин С. М.* Семья свящ. Сергия Булгакова // С. Н. Булгаков: Религиозно-философский путь / Под ред. О. В. Василевской, М. А. Васильевой. М., 2003. С. 10–13.

¹⁷ *Акулинин В. Н.* С. Н. Булгаков: Вехи жизни и творчества. С. 9.

тво внутренних дел настоятельно рекомендовало Булгакову отказаться от своей профессуры, в чем, в свою очередь, ему отказало министерство финансов¹⁸.

В момент встречи Бердяева и Булгакова готовился к выпуску сборник «Проблемы идеализма»¹⁹, на страницах которого они должны были впервые выступить как «бывшие марксисты» (наряду с Семеном Франком и Петром Струве); во всяком случае, не для того, чтобы опровергнуть социально-экономическую программу марксизма, но чтобы поддержать её программой «философского идеализма», «Метафизикой и религией»²⁰. Бердяев опишет эту встречу в своем письме к П. Струве: «В Киеве я видел С. Н. Булгакова, и у нас оказалось гораздо больше точек прикосновения, чем я предполагал, в общем, у него те же идейные тенденции»²¹. Также и Булгаков выразился по поводу встречи: «Бердяев произвел на меня отрадное впечатление»²².

Ленин назвал как Бердяева, так и Булгакова «мягкими» или «легальными» марксистами, поскольку оба распространяли свои идеи легальным путем. Но вместе с Петром Струве, Семеном Франком они не образовывали однородную массу, скорее всего между собой полемизировавший круг публицистов, который в скором времени ринется в путь «от марксизма к идеализму»²³. Этот совместный отрезок пути способствовал сильной идейной сплоченности, которая вопреки

¹⁸ Колеров М. А. Заметки по археологии русской мысли.

¹⁹ См.: Колеров М. А. Сборник Проблемы идеализма [1902]. История и контекст. М., 2002.

²⁰ Колеров М. А. Не мир, но меч: русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех» 1902–1909. СПб., 1996. С. 18.

²¹ Там же. С. 19.

²² Вадимов А. Жизнь Бердяева: Россия. Oakland (Calif.), 1993. С. 55.

²³ Scherrer J. Die Petersburger Religiös-Philosophischen Vereinigungen: die Entwicklung des religiösen Selbstverständnisses ihrer Intelligencija-Mitglieder (1901–1917). Wiesbaden, 1973 (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 19). S. 65–66. Evtuhov C. The cross and the sickle. Sergei Bulgakov and the fate of Russian religious philosophy. Ithaca, 1997. P. 29.

«отсутствующей интеллектуальной солидарности» и различиям сделала их «новаторами ярко выраженного направления русской социальной и политической мысли»²⁴. Легальные марксисты требовали для народных масс экономических и социальных изменений в меньшей степени во имя материальных благ, нежели во имя духовного и культурного прогресса. В одной из статей от 1901 г. Бердяев пишет, что сейчас, после короткого периода единения всех марксистов, критическое и ортодоксальное направления противостоят друг другу, и началась эпоха «борьбы за идеализм»²⁵. Ленин с этим соглашался: «Это были буржуазные демократы, для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму. [...] Образование настоящей буржуазно-либеральной интеллигенции идет у нас семимильными шагами, особенно благодаря участию в этом процессе столь поворотливых и отзывчивых ко всякому модному веянию оппортунизма людей, как гг. Струве, Бердяевы, Булгаковы и К°»²⁶

Ещё в 1901 г. Булгаков пытался заполучить периодическое издание — журнал «Научное обозрение» — в целях пропаганды критического направления, Бердяев планировал то же самое в 1902 г., будучи редактором журнала «Маяк». Планы обоих провалились отчасти по материальным причинам, отчасти из-за скепсиса в марксистских кругах по отношению к ревизионизму²⁷. Бердяев охарактеризовал свою статью «Борьба за идеализм» как отказ от марксизма в качестве целостного мировоззрения. Марксистские же «ре-

²⁴ Плотников Н. С., Колеров М. А. Русский образ Германии: социал-либеральный аспект // Исследования по истории русской мысли [3]. Ежегодник за 1999 год. М., 1999. С. 74.

²⁵ Scherrer J. Die Petersburger Vereinigungen. S. 66–67, 73.

²⁶ Шаццло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907; организация, программы, тактика. М., 1985. С. 58.

²⁷ Колеров М. А. «Вопросы Жизни»: история и содержание (1905) // Логос. 2001. № 4.

алистические» социальные идеи он хотел сохранить. Бердяев провозгласил, что принадлежит отныне к идеалистическому движению²⁸. Родиной этого нового интеллектуального ориентира стало «Московское Психологическое Общество»²⁹. Его органом была весомое периодическое издание «Вопросы психологии и философии»³⁰. В нем в качестве идеалиста успешно и дебютировал Булгаков с докладом «Иван Карамазов как философский тип», прочитанным им ещё в Киеве 21 ноября 1901 г.³¹. Свою мировоззренческую перемену Бердяев и Булгаков документировали каждый в своем сборнике: Бердяев в опубликованном в 1907 г. «*Sub specie aeternitatis: Опыты философские, социальные и литературные (1900—1906)*», Булгаков в вышедшем в 1903 г. сборнике статей от 1896—1903 г., который и дал свое имя движению: «От марксизма к идеализму».

Поворот к идеализму сопровождался двумя направлениями. С одной стороны, это было присоединение к движению политического либерализма, который рассматривал государство и общество только в качестве вспомогательного средства для достижения полного расцвета личности³². С другой, это был религиозный поиск, ознаменованный критиками как период фрустрации и пессимистской реакции на неудавшуюся революцию 1905 г., но, очевидно, начавшийся уже в конце XIX века, следует заметить, под влиянием культурных течений — декадентства и символизма³³.

²⁸ *Вадимов А.* Жизнь Бердяева. С. 59.

²⁹ См.: *Poole R. A.* The Moscow Psychological Society and the neo-idealist development of Russian liberalism. University of Notre Dame (Ph. D).

³⁰ См.: *Борисова И. В., Давыдова Л. С.* «Вопросы философии и психологии» (1889—1918). Роспись содержания. // Исследования истории русской мысли [2]. Ежегодник за 1998 год. М., 1998. С. 427—523.

³¹ *Evtuhov S.* The cross and the sickle. P. 57. А. В. Луначарский. Русский Фауст // С. Н. Булгаков: pro et contra / Под ред. И. И. Евлампиева. СПб., 2003. С. 388.

³² *Scherrer J.* Die Petersburger Vereinigungen. S. 75.

³³ *Ibid.* S. 424.

2. «Союз Освобождения» (1903–1905)

Политический разрыв с марксизмом был очевиден в 1902 г., когда Петр Струве основывает либеральный журнал «Освобождение» в г. Штуттгарте³⁴, а в июле 1903 г. готовился к основанию «Союз освобождения»³⁵. Бердяев и Булгаков участвовали в создании Союза. Поскольку Струве находился под наблюдением полиции, конспиративные организационные собрания проходили с 20 по 22 июля 1903 г. в виде круиза у берегов Боденского озера в Швейцарии³⁶. Совместное убеждение довольно разношерстной группы заключалось в том, что политическая структура России нуждается в реорганизации, и вскоре следует ожидать соответствующих событий. В своих воспоминаниях Бердяев повествует, что чувствует себя чужим в либерально-радикальном окружении. В своих политических взглядах между либерализмом и социализмом он больше привязан в то время к Булгакову:

«Большую близость я чувствовал с С. Булгаковым, с которым переплетались наши пути в внешних проявлениях. У С. Булгакова тогда уже был решительный поворот к христианству и православию. Я же стоял на почве свободной духовности. Разговоры с С. Булгаковым в Киеве на религиозные темы имели для меня значение»³⁷.

Действительно, во время этой «организационной поездки» Булгаков высказывался за тесную связь политического либерализма и «социально-экономического демократизма», или социализма. Эту связь он считал оппозицией по отно-

³⁴ Шацлло К. Ф. Русский либерализм накануне революции. С. 63–100, 149–150.

³⁵ Scherrer J. Die Petersburger Vereinigungen. S. 68.

³⁶ Шацлло К. Ф. Русский либерализм накануне революции. С. 158–159. Вадимов А. Жизнь Бердяева. С. 61–62.

³⁷ Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 134.

шению к зарождающемуся на Западе антидемократическому буржуазному либерализму. Социальный либерализм, по мнению Булгакова, должен защищать от эксплуатации людей, и в особенности, рабочего класса³⁸. На торжественном мероприятии в Санкт-Петербурге по случаю образования «Союза освобождения» в январе 1904 г. Булгаков избран в его совет³⁹. Бердяев становится активным членом «Союза» в отделениях в Киеве и Санкт-Петербурге⁴⁰. Оба публикуются в нелегальном журнале «Освобождение», как и в легально существующем «Вопросы психологии и философии». В последнем под маской теоретических дискурсов звучали политические мнения оппозиции⁴¹. Позыву Струве к более тесной связи между философией и политикой Булгаков следовал по своему собственному убеждению, Бердяев же, как и Франк, настаивали на примате философии. Тем не менее, оба принимали участие в политической деятельности, исходя из этических обязательств⁴². То, что связывало Бердяева и Булгакова отныне и уже навсегда, было твердое убеждение, которое Булгаков позднее описал следующим образом:

«В известном смысле могу сказать, что его я сохранил ,даже и до дня сего’ и хочу сохранить до конца своих дней, — верность началам свободы и хранения человеческого достоинства, с непримиримостью ко всякому ,тоталитаризму’. Здесь я хочу остаться в рядах «прогрессивной» (не хочу отрицаться также и этого слова) общественности.»⁴³

³⁸ Шаццлло К. Ф. Русский либерализм накануне революции. С. 168–171.

³⁹ Poole R. A. The Moscow Psychological Society. P. 111. К. Ф. Шаццлло. Русский либерализм накануне революции. С. 175. К образованию Совета см. С. 203–204.

⁴⁰ Там же. С. 298–300.

⁴¹ Плотников Н. С., Колеров М. А. Русский образ Германии, С. 80.

⁴² Flikke G. Democracy or Theocracy. Frank, Struve, Berdjaev, Bulgakov, and the 1905 Russian Revolution. Oslo, 1994. P. 27–28.

⁴³ Булгаков С. Н. Автобиографические заметки (Посмертное издание). Париж, 1946. С. 27.

Эту позицию Булгаков обозначил как суть правды в его первоначальном нигилизме, который сначала увел его от «порабощенной церковной жизни» к марксизму, а позднее возвратил к христианству.

Так, защита приоритета личности в России периода рубежа веков необязательно говорила о классической либеральной позиции, напротив, в то время могла быть напрямую связана с социализмом⁴⁴. Обоснование этой связи Бердяев и Булгаков искали в развитии христианского социализма, иначе говоря, «религиозного общественного идеала». Специфика русского социал-либерализма заключалась в том, что, прежде всего, он возник не как французский либерализм по принципу оппозиции в отношении феодальной власти. Его сторонники именно при помощи монархии хотели создать гражданское общество. Они исходили из эволюционного общественного развития в диалоге с «просвещенной властью» и отрицали всяческую разрушительную революцию. Но к началу XX века проявило себя усиленное давление со стороны неспособной к реформам самодержавной власти с её антисемитской политикой, а также в оппозиции выступили изначально верные правительству круги. Этот процесс ускорился после еврейского погрома в Кишиневе шестого апреля 1903 г. (Пасхальное воскресенье): правительство проводило антисемитскую политику, веря, что сможет предотвратить распространение социалистических идей. В Кишиневе не воспрепятствовали народу два дня громить и разрушать еврейские дома и убивать евреев⁴⁵. Последствия были следующими: большинство либеральной интеллигенции после постановления Октябрьского манифеста 1905 г. отказалось от любого сотрудничества с монар-

⁴⁴ *Evtuhov S.* The cross and the sickle. P. 112. См. также: *Колеров М. А.* С. Н. Булгаков и религиозно-философская печать (1903–1905) // Вопросы философии. 1993. № 11. С. 104–105.

⁴⁵ *Galai S.* The Liberation movement in Russia: 1900–1905. Cambridge 1973. P. 167–168.

хией и примкнуло к «Конституционно-демократической партии»⁴⁶. У Булгакова и Бердяева же намечается отказ от «западных» либеральных моделей решения проблем, хотя под сомнением находится тот факт, что они, действительно, когда-либо имели с ними дело⁴⁷. Как и Ленин, они упрекали немецкую социал-демократию, при случае также и русских либералов, в их мещанском духе⁴⁸. Мещанство не было однако больше вопросом принадлежности к определенному классу, а стало вопросом духовно- или же материально-ориентированной культуры. По этому поводу выказался Бердяев: «Отвращение к тому, что называется «буржуазностью», не только в социальном, но и в духовном смысле, всегда было моим двигателем. Социализм и коммунизм, христианство и православие также могут быть буржуазными»⁴⁹.

3. «Вопросы Жизни» (1904–1905)

Тем временем Бердяев и Булгаков знакомятся с литературным критиком Дмитрием Мережковским. Их социально-политическая критика радикальной левосторонней интеллигенции, таким образом, соприкоснулась с отстаиванием религиозно-философской и эстетической свободы против утилитаристских идеологий в искусстве и теологии⁵⁰. В «Религиозно-философском обществе в Петербурге», основанном Д. Мережковским в 1901 г., критиковали, с одной стороны, обскурантизм русской православной церкви, с дру-

⁴⁶ *Осинов И. Д.* Философия русского либерализма: XIX — начало XX в. СПб., 1996. С. 10–14.

⁴⁷ *Putnam G. F.* Russian Liberalism Challenged from Within: Bulgakov and Berdyayev in 1904–5 // *The Slavonic and East European Review*. 1964–1965. № 43. P. 338–339.

⁴⁸ *Плотников Н. С., Колеров М. А.* Русский образ Германии. С. 81–86.

⁴⁹ *Бердяев Н. А.* Самопознание. С. 116.

⁵⁰ *Putnam G. F.* Russian Liberalism Challenged from Within. P. 335, 340.

гой — антирелигиозную догму революционной интеллигенции. Здесь должно зародиться «новое религиозное сознание», суть которого состояла в преодолении пропасти между интеллигенцией и народом через обмен религиозными чувствами. В целях распространения этой идеи Мережковский основал в 1903 г. журнал «Новый путь», обсуждавший автономию культуры, новые веяния в русской литературе и религиозную философию, а также публикующий протоколы собраний религиозно-философского общества⁵¹. Уже в 1904 г. «Религиозно-философское общество в Петербурге» запретил обер-прокурор Священного Синода К. Победоносцев. Отныне Мережковский желал для издания политического оснащения⁵². В этих целях он привлек «идеалистов» Бердяева и Булгакова⁵³. Журнал, который прежде был форумом современной декадентско-символистской литературы, получил политическую рубрику, где Булгаков вел колонку «Без плана»⁵⁴, а Бердяев — «Дневник публициста»⁵⁵. Это, в свою очередь, вызвало в редакции журнала острые противоречия и привело к его реорганизации и повторному его основанию под названием «Вопросы жизни»⁵⁶, где Бердяев и Булгаков играли ведущую роль.

Конфликт был и с самим Мережковским. Прежде всего, потому, что Булгаков недооценивал символистское «новое религиозное сознание»⁵⁷. Действительно, Бердяев благо-

⁵¹ См.: *Ермичев А. А.* Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): хроника заседаний. СПб., 2007.

⁵² *Колеров М. А.* «Вопросы Жизни».

⁵³ *Putnam G.* Russian Liberalism Challenged from Within. P. 340–344.

⁵⁴ См.: *Булгаков С. Н.* Без плана. // С. Н. Булгаков: pro et contra / Под ред. И. И. Евлампиева. СПб., 2003. С. 225–249.

⁵⁵ *Scherrer J.* Die Petersburger Vereinigungen. S. 113–114, 130.

⁵⁶ См. оглавление журналов «Новый путь» и «Вопросы жизни»: *Колеров М. А.* «Идеалистическое направление» и «христианский социализм» в повременной печати. // Исследования по истории русской мысли [3]. Ежегодник за 1999 год. М., 1999. С. 359–400.

⁵⁷ *Putnam G.* Russian Liberalism Challenged from Within. P. 344–345.

склонно относился к декадентскому течению, в особенности, к французскому *fin de siècle*, в то время как Булгаков испытывал недоверие к новому литературному направлению⁵⁸. Бердяев восхищался символизмом Мориса Метерлинка, Булгаков придерживался позиции реалистов и передвижников⁵⁹. Андрей Белый проиллюстрировал атмосферу в редакции журнала: «В платформе журнала так именно было, «Бер-...»: «Дайте стихи!» Дать стихи, зная: “-гаков не станет печатать»»⁶⁰. Однако, эту атмосферу необязательно следует толковать как враждебную, о чем свидетельствует рассказ, как Бердяев в 1904 г. знакомится через Булгакова со своей будущей женой Лидией Рапп (1871–1945). Рассказывает сестра Лидии, Евгения Рапп:

«Нас познакомил С. Н. Булгаков. Однажды, когда мы были у него, он сказал: «Непременно познакомлю вас с молодым философом Бердяевым. У него такие же литературные вку-

⁵⁸ Scherrer J. Die Petersburger Vereinigungen. S. 131–132, 187, 213. Колеров М. А. С. Н. Булгаков и религиозно-философская печать. С. 106.

⁵⁹ Колеров М. А. «Вопросы Жизни». В сборнике «Литературное дело» вышли в 1902 г. как статья Бердяева «К философии трагедии. Морис Метерлинк» (позднее также в сборнике «Sub specie aeternitatis», 1907), так и статья Булгакова «Васнецов, Вл. Соловьев, Толстой (Параллели)» (позднее также в сборнике «Тихие думы», 1918). «Передвижники» были группой художников, которая в 1863 г. выступила против рестрикций и неоклассицистского стиля Петербургской академии искусств. Они организовали многие передвижные выставки. Как художники-реалисты они представляли сцены из русской повседневности и национальные мотивы. К их числу принадлежали среди прочих Илья Репин (1844–1927), Виктор Васнецов (1848–1926) и Михаил Нестеров (1862–1942) (E. Valkenier. Russian Realist Art. Ann Arbor, 1977. P. XI–XII). Нестеровым написана картина «Философы» (1917), которая изображает Сергея Булгакова и Павла Флоренского, углубленных в свою беседу. Картина находится в Третьяковской галерее в Москве. Позднее сын Булгакова Фёдор (1902–1991) становится учеником художника Нестерова и женится на его дочери Наталье. Его картины находятся в Галерее советского искусства. По словам Н. М. Нестеровой, опубликовано в фотоприложении: С. Н. Булгаков. Из памяти сердца. Орел, 2001.

⁶⁰ Цитата из: Колеров М. А. «Вопросы Жизни».

сы, как и у вас — Белый, Блок, живопись не передвижников, как я, а «avant-garde» во всех областях...» На банкете в день освобождения крестьян 19 февраля (...) где речи говорили Булгаков, Шестов, Николай Александрович и т. д., Булгаков нас познакомил с Н. А., который сделался нашим постоянным гостем»⁶¹.

В 1905 г. Лидия следует за Бердяевым в Санкт-Петербург. Он нашел в ней — по его собственным словам — родственного ему «революционера духа». Наряду с поддержкой своего мужа в редакционной работе она писала стихи и занималась, будучи обращенной в католичество, в период парижского изгнания благотворительной деятельностью в русской католической христианской общине⁶².

В петербургской среде социально-политические идеи Бердяева и Булгакова отошли под влиянием Мережковского на второй план, в то время как оба мыслителя посвятили себя вопросу религиозного возрождения России. Таким образом, осуществились опасения Максима Горького в отношении взятого на себя Бердяевым и Булгаковым «Нового Пути»: «Мне кажется, что гг. идеалисты не вышибут гг. мистиков из «Нового Пути», а — сольются с ними, как я предрекал некогда»⁶³. Ведущую роль при этом играл также еврейский философ Лев Шестов, который провоцировал новоиспеченных «социальных идеалистов» положением: вера и разум несоединимы⁶⁴. Тем самым характеризуется их отношение к русской интеллигенции: если раньше они подвергали ее псевдо-религиозный максимализм резкой

⁶¹ Цитата из: *Бронникова Е. В.* Лидия Бердяева. С. 11. Опубликованы письма Бердяева к Лидии: Письма Николая Бердяева // *Минувшее: исторический альманах* / Под. ред. В. Аллой. Париж, 1990. Т. 9. С. 294, 325.

⁶² *Бронникова Е. В.* Лидия Бердяева. С. 5–12.

⁶³ Цитата из: *Колеров М. А.* С. Н. Булгаков и религиозно-философская печать. С. 103.

⁶⁴ *Seiling J. R.* From Antinomy to Sophiology. Modern Russian Religious Consciousness and Sergei Bulgakov's Critical Appropriation of German Idealism. University of Toronto (Ph. D.), 2008. P. 179–182.

критике, то на данный момент оценивали его как потенциальную движущую силу для религиозного обновления. Новое общество в России должно быть в меньшей степени материалистичным, чем западное, и почти аскетичная готовность к самопожертвованию революционеров служило хорошей предпосылкой. Так, взгляды Бердяева и Булгакова совпадали, развиваясь в усиливающемся антизападном религиозном направлении. Но в вопросах искусства, православной церкви или же пользы от политической деятельности позиции их значительно расходились. Бердяев отступал назад по последнему пункту, в то время как Булгаков пытался развивать христианскую политику⁶⁵.

Стремление связать религию, философию, искусство и политику, развитие современного религиозного общества и обоснования прогресса с религиозной точки зрения в «Вопросах жизни» привели ко многим внутренним разногласиям⁶⁶. Чулков, ответственный за литературную часть, пригласил писателя Валерия Брюсова следующими словами: «Навестите нас, это странное гнездо, где собрались целомудренные язычники, развращенные христиане, веселые революционеры и мрачные декаденты»⁶⁷. Весьма убедительно эти натянутые отношения описала Зинаида Гиппиус в своем дневнике в главе «Все против всех». Особенно наглядно представлено противостояние редакторов Булгакова и Бердяева:

«Булгаков и Бердяев — это уже не вода и масло, а вода и огонь. Только совершенным невниманием к литературной личности обоих писателей можно объяснить то, что наша критика соединила их в неразлучную пароч-

⁶⁵ *Putnam G.* Russian Liberalism Challenged from Within. P. 345–353.

⁶⁶ *Колеров М. А.* «Вопросы Жизни». В открытом письме Булгакову Евгений Трубецкой описывает программу «Вопросов Жизни»: Е. Н. Трубецкой. Из частной переписки. Памяти В. С. Соловьева. Открытое письмо С. Н. Булгакову // С. Н. Булгаков: pro et contra / Под. ред. И. И. Евлампиева. СПб., 2003. С. 221–224.

⁶⁷ *Колеров М. А.* С. Н. Булгаков и религиозно-философская печать. С. 105.

ку каких-то Сиамских близнецов идеализма. [...] Булгаков остановился на Вл. Соловьеве и не хочет или не может идти дальше. Бердяев как будто вечно куда-то идет, а на самом деле только ходит, движется однообразным круговым движением на собственной оси [...]. Нет человека более ненужного, более вредного для Булгакова, чем Бердяев, и для Бердяева, чем Булгаков. Кажется, что лучшее, что они могли бы сделать сейчас, — это вступить в открытый умственный поединок на жизнь и смерть: может быть, слишком благополучный монизм Булгакова расколосся бы, столкнувшись со слишком неблагоприятным дуализмом Бердяева и от удара этих двух скрещенных шпаг зажглась бы искра того подлинного, религиозного огня, который так нужен обоим. А есть с одного блюда, спать на одном ложе, подобно Сиамским близнецам, внутренне будучи на ножах, — надо удивляться, как это им обоим, наконец, не опротивело»⁶⁸.

Но сам журнал Гиппиус оценила как лучший в России на тот период. Натянута атмосфера способствовала, возможно, именно ввиду смешения личных дружеских отношений, общих задач и непреодолимых идейных разночтений креативности Серебряного века. Бердяев повествует о разговорах с Булгаковым, в которых он пытался «смутить его покой»⁶⁹, также Булгаков говорит о «дружеских спорах»⁷⁰. Но открытые разногласия не заставили бы себя долее ждать. Когда семнадцатого октября 1905 г. отменили цензуру, политически-социальные темы не должны были более распространяться под видом «культурных», также и финансовые причины сыграли роль в закрытии журнала⁷¹. В результате объединения идеалистических движе-

⁶⁸ Гиппиус З. Дневники. М., 1999. С. 316–318.

⁶⁹ А. Вадимов. Жизнь Бердяева. С. 78.

⁷⁰ Кейдан В. И. Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. М., 1997. С. 81.

⁷¹ Колеров описывает это подробно: Колеров М. А. С. Н. Булгаков и религиозно-философская печать. С. 107–109.

ний с этим было покончено, и различные авторы искали для себя более яркие сцены действий: наряду с многочисленными другими изданиями Булгаков и Волжский основали церковно-реформаторский журнал «Народ»⁷², Мережковский и Бердяев, в свою очередь, стали выпускать философско-литературный журнал «Меч»⁷³. Однако уже в 1907 г. большинство из изданий снова соединились в «Русской мысли» Петра Струве, чтобы позднее в 1909 г. сборником «Вехи» вместе сформулировать скандально-успешную критику идей и образа жизни русской революционерской интеллигенции⁷⁴.

4. Христианская политика (1905—1907)

Однако не только новые публицистические, но и конкретные политические возможности не давали покоя Булгакову: «Итак, конституция! Стало быть, идем в открытый бой с драконом, и да укрепит Бог наши слабые силы! Я сейчас опомнился от окружающих ужасов [киевский погром], всецело захвачен мыслями о союзе христ. политики, об организации учредительного съезда, вообще этой черновой, но неотложной деятельности».⁷⁵

Вдохновило его движение рабочих в Петербурге под предводительством священника Гапона (1906 г.), которому удалось объединить вокруг себя крестьян и рабочий класс под лозунгом «религиозного социализма». Петиция, со-

⁷² К нереализованному проекту дешевой христианско-демократической народной газеты Булгакова см.: Там же. С. 109—114.

⁷³ Оглавления к изданиям «Новый путь» (1904), «Вопросы жизни» (1905), «Народ» (1906), «Полярная звезда» (1905—1906), «Свобода и культура» (1906) и «Живая жизнь» (1907—1908) см.: Колеров М. А. «Идеалистическое направление» и «христианский социализм».

⁷⁴ Колеров М. А. «Вопросы Жизни».

⁷⁵ Цит. по: Колеров М. А. С. Н. Булгаков и религиозно-философская печать. С. 108.

ставленная Гапоном совместно с Максимом Горьким, представляла собой национальный консенсус, объединяла этический пафос Толстого с требованиями гражданских прав и социализма и с идеями социал-демократов и народничества. Гапон был отличным оратором, сравнивался с социалистами-католиками Мадзини и Ламенне, таким образом, стал образцом для булгаковского «Союза христианской политики», как и для «Братства христианской борьбы» Свенцицкого, Эрн и Флоренского⁷⁶.

«Братство христианской борьбы» просуществовало с 1905 по 1907 г., своей целью считало церковное обновление общества. Оно боролось за демократическую форму государства, за реализацию основных гражданских прав и, прежде всего, за отмену частной собственности в пользу землевладения церковной общины⁷⁷. Именно в последнем Булгаков уже вскоре распознал сектантский догматизм этого движения и отошел от него⁷⁸. По его словам, христианская утопия перегружает фантазию поколения того времени, и наконец христианская партия не может желать осуществления своих идеалов посредством милитаризованного государства. Поэтому Булгаков выступил за либерализацию землевладения, а не за аграрный коммунизм, пропагандируемый «Братством христианской борьбы»⁷⁹.

Долгое время искал Булгаков собственную позицию между радикальным «Братством христианской борьбы» и прагматически настроенной «Конституционно-демократической партией» (кадеты). Последняя была

⁷⁶ Колеров М. А. Сборник Проблемы идеализма [1902]. С. 194–202.

⁷⁷ K. Burchardi. Die Moskauer Religiös-Philosophische Vladimir-Solov'ev-Gesellschaft (1905–1918). Wiesbaden, 1998 (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 53). S. 182–188; см. также: Иванова Е. В. Флоренский и Христианское Братство Борьбы // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 159–166.

⁷⁸ Колеров М. А. Издания «Христианского Братства Борьбы» (1906–1908) // Новое литературное обозрение. 1993. № 5. С. 301.

⁷⁹ Flikke G. Democracy or Theocracy. P. 4.

основана другими либералами-эксмарксистами Струве и Франком. Ни Булгаков, ни Бердяев не вступили в партию по разным причинам⁸⁰. Бердяев обвинял ее в мещанстве⁸¹. Булгаков же не вступал по религиозным соображениям: Он полагал, что — в противовес к объявленному религиозно-нейтралитету кадетов — политические ценности должны иметь ясно определенные религиозные корни и не насаждаться в качестве абсолютных⁸². Но как и Бердяев, он был убежден, что христианская религия является единственным действенным противоядием «западному мещанству». Веру в «западное» политическое решение Булгаков потерял окончательно к тому моменту, когда в 1906 г. некоторые западные страны выдали кредит царистскому режиму на подавление революции⁸³. Тем не менее, он высказался за кадетскую партию на выборах в Государственную Думу. Одновременно он составляет аграрную программу партии. Булгаков не видел другой серьезной политической альтернативы⁸⁴.

Свою идею создать «Союз христианской политики» он никогда не реализовал. В этом «Союзе» христиане всех конфессий и всех партий могли бы представлять и обсуждать свои социально-политические позиции⁸⁵. Этот проект вызвал не-

⁸⁰ *Flikke G.* Democracy or Theocracy. P. 86. *Scherrer J.* Die Petersburger Vereinigungen. S. 68, 138.

⁸¹ *Бердяев Н. А.* Самопознание. С. 133; *Flikke G.* Democracy or Theocracy. P. 27.

⁸² *Булгаков С. Н.* Религия и политика (К вопросу об образовании политических партий) // С. Н. Булгаков. Труды по социологии и теологии. М., 1996. С. 44. Полемику по этому вопросу между Булгаковым, Струве и С. Лурье см.: *Акулинин В. Н.* Христианский социализм (С. Н. Булгаков). С. 316–318.

⁸³ *Локтева О., Колеров М.* Из записной книжки. С. Н. Булгаков // Вопросы философии. 1994. № 6/ С. 146.

⁸⁴ *Flikke G.* Democracy or Theocracy. P. 90.

⁸⁵ *Burchardi K.* Die Moskauer Vladimir-Solov'ev-Gesellschaft. S. 188–194; С. Н. Булгаков. Неотложная задача (О союзе христианской политики) // В. Н. Акулинин. Христианский Социализм (С. Н. Булгаков). С. 25–60.

значительный резонанс⁸⁶. Тем не менее, Булгаков переезжает в 1906 г. из Киева в Москву, чтобы выполнить свой «религиозный долг» по отношению к обществу. При этом он рассчитывал на разочарования, но не хотел их избегать⁸⁷. Булгаков был избран в качестве беспартийного «христианского социалиста» в Государственную Думу, что, по некоторым высказываниям, привело к окончательному отрезвлению его политической деятельности и даже к обращению к апокалиптическому монархистскому идеалу⁸⁸. Своей деятельностью он пытался заполнить пробел между кадетами-агностиками и верующим народом и предложить христианско-политическую альтернативу ультраконсервативным сторонникам «черносотенства»⁸⁹. Поэтому Булгаков называл себя «черносотенным кадетом»⁹⁰.

Бердяев упоминается в связи с этими проектами вскользь; его «культурно-философский анархистский индивидуализм» зачастую трактуется как уход из сферы реальной политики⁹¹. Однако Эдит Клоус справедливо указывает на то, что Бердяев на протяжении всей жизни время от времени с успехом занимался легитимированием и поддержкой рус-

⁸⁶ Интерес к этому проявляли среди прочих молодые христианские социалисты В. Эрн, В. Свенцицкий и А. Ельчанинов, Н. Бердяев, А. Карташев, А. Глинка (Волжский), А. Аскольдов, священник К. Агеев и Н. Цветков. В. И. Кейдан. Взыскующие града. С. 76.

⁸⁷ С. Н. Булгаков — А. С. Глинке. М., 25 июля 1906 // В. И. Кейдан. Взыскующие града. С. 108–109.

⁸⁸ *Burchardi K. Die Moskauer Vladimir-Solov'ev-Gesellschaft. S. 188–189.* К деятельности Булгакова в Думе см.: *Evtuhov C. Sergej Bulgakov: A study in modernism and society in Russia, 1900–1918. Ann Arbor, 1991. P. 165–177; Evtuhov C. The cross and the sickle. P. 115–126.* К булгаковскому «монархизму»: *Evtuhov C. Sergej Bulgakov: A study in modernism. P. 215–216; С. Н. Булгаков. Автобиографические заметки. С. 28–29.*

⁸⁹ *Read Ch. Religion, revolution and the Russian Intelligentsia 1900–1912: the Vekhi debate and its intellectual background. London, 1979. P. 110.*

⁹⁰ *Кейдан В. И. Взыскующие града. С. 145; М. А. Колеров. Не мир, но меч. С. 264.*

⁹¹ *Колеров М. А., Локтева О. К. С. Н. Булгаков и религиозно-философская печать (1906–1907). С. 401.*

ской философии как общественного дискурса⁹². Ироничное замечание Булгакова показывает, что Бердяева воспринимали как аутсайдера: по его словам, Бердяев мог бы как нейтральный руководитель христианско-социалистического журнала стать посредником между различными направлениями этой области, подобно туркам между различными христианскими конфессиями в Иерусалиме⁹³. Тем не менее, Бердяев продолжал публиковаться в журнале «Век», также опубликована была его статья во втором сборнике «Вопросы религии» в 1908 г. Здесь он обуздал, во всяком случае, свое анархистско-мистическое мировоззрение и свое недоверие по отношению к реальной политике⁹⁴. Ему не доставало в этой связи не социалистической революции, а революции духа⁹⁵. Разочарование Булгакова в политической действительности и усиливавшийся интерес Бердяева к русскому православию снова способствовали сближению. Булгаков опишет процесс своего обращения как «лияние», где он возвращается к мироотрицающей концепции православия. Бердяев, по его словам, был на тот момент его самым частым собеседником. Возможно, именно в 1907 г. они находились друг к другу близко как никогда до этого и в последующем. В мае 1907 г. Булгаков пишет Глинке:

«Я начал снова «линять» и не знаю, до чего долиняю. Бердяев покачивает головой, а я знаю, хотя и в бездне греховной валялся, что «жив Господь Бог мой», и это все.»⁹⁶

⁹² *Clowes E. W.* Fiction's overcoat. Russian literary culture and the question of philosophy. Ithaca 2004. P. 184.

⁹³ Подробнее об этом в письме Булгакова к Глинке, в котором речь шла об основании христианско-социалистического журнала (что не удалось из-за недостатка средств): *Кейдан В. И.* Взыскующие града. С. 16.; С. Н. Булгаков — А. С. Глинке, Кореиз, 4 сентября 1906 // В. И. Кейдан. Взыскующие града. С. 111.

⁹⁴ *Колеров М. А.* Издания «Христианского Братства Борьбы». С. 303.

⁹⁵ *Read Ch.* Religion, revolution and the Russian Intelligentsia. P. 114, 126–128.

⁹⁶ С. Н. Булгаков — А. С. Глинке, СПб., 7 мая 1907 г. // В. И. Кейдан. Взыскующие града. С. 141.

Позднее он даст более точное разъяснение этому процессу: «Лияние» мое совершается (...) в направлении (...) к «православию» с его аскетической, мироотрицающей философией. (...) Думать некогда, да и нельзя ускорить этого, работа души идет сама собой, но кое от чего я освободился уже окончательно (как например, от христианской политики или братства борьбы), почему и «окадетился» окончательно. (...) Я все сильнее чувствую правду и глубину Розановской альтернативы в статье об Иисусе Сладчайшем: или мир — или Христос. (...) Работу эту я считаю и своим патриотическим долгом перед страной, — у меня историческое почти отчаяние в сердце, но я считаю, что в порядке эмпирическом и историческом надо делать все, чтобы предотвратить, что можно. Я полагаю, что мы обязаны делать это перед Богом. Политически я независим, очень оправел (зову себя черносотенным кадетом), страшно еще раз разочаровался в себе и своих силах, и чему действительно учит и авантюра с «Народом», и Дума — это смирению, вытекающему из опытного сознания своего бессилия. Никогда заповедь о нищете духовной, всегда мне близкая, как здесь. (...) Бердяев уехал, он был из немногих, с кем я делился всем.⁹⁷

В вопросе «мироотрицания» на тот момент Бердяев и Булгаков были идейно близки.

5. Рецензии друг на друга (1907)

В «год особой близости» вышли две рецензии Бердяева на произведения Булгакова, как и рецензия Булгакова на только вышедший из печати сборник «Sub specie aeternitatis». Бердяев обсуждает первую часть булгаковского «Краткого очерка политической экономии» из серии «Религиозно-общественной библиотеки». Он приветствует религиозно-общественную постановку вопроса, но видит трудность для Булгакова устано-

⁹⁷ С. Н. Булгаков — А. С. Глинке, СПб., 27 мая 1907 г. // там же. С. 144–146.

вить взаимосвязь между христианской аскезой и производственным процессом в экономике. Булгаков решает, согласно Бердяеву, проблему, отрицая идею личного богатства, но веря в позитивное значение материальной культуры и народного хозяйства и их вклад в реализацию царства Божьего на земле. Следовательно, религия устанавливает нормы социального распределения. Бердяев указывает на то, что такие задачи переступили бы границы исторического христианства. В своем священном гневе на капитализм публицист Булгаков якобы брал верх «над ученым и отвлеченным мыслителем», критикуя политэкономические теории и обращая внимание на задачи практической социальной этики. По мнению Бердяева, Булгаков здесь заходит слишком далеко. Но, в то же время, в целом он приветствует намерение Булгакова, демонстрирующее, что религия, и в особенности, христианство, способна и обязана поддержать социальное освобождение человечества⁹⁸. В этом раскрывается сдержанная позиция Бердяева в отношении стремления осуществить царство Божье на земле посредством материальных прогресса и ценностей.

Бердяев приветствует также известную статью Булгакова под заголовком «Карл Маркс как религиозный тип (из этюдов о религии человекобожества)». И здесь чувствуется, по его словам, живой и не только академический интерес к делу. Правильная критика Маркса у Булгакова состоит в том, считал Бердяев, что Маркс наделил собственно религиозно-нейтральную социалистическую идею штампом атеизма и пренебрегает человеческую индивидуальность. При этом Булгаков якобы отрицал духовную связь Маркса с Гегелем и подчеркнул родство с Фейербахом. И здесь Бердяев думает, что Булгаков заходит слишком далеко. Согласно Бердяеву, Гегель и Маркс абсолютно близки в их рационалистической схематизации мировой истории. Фейербах говорит об освобождении человечества через ре-

⁹⁸ *Бердяев Н. А.*: Проф. Булгаков. Краткий очерк политической экономики // Исследования по истории русской мысли. 1998. С. 294–296.

лигию, что необязательно автоматически должно вывести на воинственный и злостный атеизм Маркса. Это представляет собой больше психологическую проблему, которая объяснима и без Фейербаха. Однако, по мнению Бердяева, Булгаков правильно разоблачил тактическое лицемерие программы социал-демократической партии, которая объявила религию делом частного характера, несмотря на то, что сама хотела освободить людей от религии. Проблему самообожествления человека у Маркса Булгаков распознал достаточно ясно, но прямая связь со статьей Фейербаха о самообожествлении человека слишком сильно отдавало связью между Фейербахом и Марксом⁹⁹.

В рецензии Бердяева на статью Булгакова раскрывается, прежде всего, разная интерпретация Фейербаха. Основным импульсом для обоих мыслителей является отрицание его концепции. Фейербах истолковывал Бога как человеческую проекцию, как «образ и подобие человека». Бердяев же полагал, что открытие божественного в человеке ещё не причина отрицания существования самого Бога. Похожая аргументация прослеживается и у Булгакова. Но он упрекает Бердяева в «мистическом фейербахианстве»¹⁰⁰: «Двойственная и противоречивая природа тварности, сотканная из божественности и ничтожества, не допускает имманентного обожествления человека, которое составляет отличительную черту антропологии Н. А. Бердяева с ее своеобразным мистическим фейербахианством (см. талантливую и интересную его книгу: «Смысл творчества. Опыт оправдания человека». Москва. 1916)»¹⁰¹.

⁹⁹ Булгаков С. Н. Карл Маркс как религиозный тип (из этюдов о религии человекобожества) // С. Н. Булгаков. pro et contra. С. 636–639.

¹⁰⁰ Meerson M. A. The Trinity of Love in Modern Russian Theology: The Love Paradigm and the Retrieval of Western Medieval Love Mysticism in Modern Russian Trinitarian Thought (from Solovyov to Bulgakov). Quincy IL, 1998. P. 167–168.

¹⁰¹ Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М., 1999. С. 169–170 (Прим. 2).

В отличие от Бердяева Булгаков всегда следит за тем, дабы не отождествлять Бога и человека. Булгаков абсолютно отрицает Фейербаха, видит в Фейербахе источник атеистического духовного течения. Бердяев же говорит о нем как о мыслителе, который заново вдохновил религиозно-философскую мысль и заговорил о божественном в человеке.

Булгаков пишет рецензию на сборник Бердяева «*Sub specie aeternitatis*», чей заголовок находит слишком смелым. Он подчеркивает, что ему тяжело комментировать своего «ближайшего литературного собрата», с которым он «рука об руку» боролся против позитивизма за христианское общество и право на существование религиозно-философских вопросов. Так и этот труд является воинствующей книгой, «человеческим документом» к началу XX века, содержащим больше вопросов, нежели ответов, не выступающим ни за какую позитивную доктрину и остающийся «слишком эскизным». Булгаков критикует некую литературную и философскую недобросовестность и легкомысленность, при которых не так легко следовать скачкам мысли и было бы полезно «несколько зашнуроваться в корсет школьной философии». Таким образом, он желает Бердяеву, чью духовную независимость хвалит, «утвердиться на почве положительного христианского мировоззрения»¹⁰².

В этой рецензии усиливается впечатление, подмеченное Зинаидой Гиппиус, что личная дружба Бердяева и Булгакова скорее препятствовала открытой взаимной критике. Булгаков, кажется, между строк почти радуется тому, что в рамках этой рецензии невозможно детально разобрать идеи Бердяева и открыто поспорить с ним¹⁰³. Интересно, что оба мыслителя упрекают друг друга в том, что теоретическое углубление в темы носит слишком поверхностный

¹⁰² Булгаков С. Н.: Николай Бердяев. *Sub specie aeternitatis*. Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906) // Исследования по истории русской мысли. 1998. С. 302–304.

¹⁰³ Там же. С. 304.

характер ввиду сильного личностного ангажемента. Отношение к религиозным вопросам становится очевидным: В то время как Бердяев пытается немного «смутить покой» Булгакова, Булгаков желает Бердяеву «покоящейся в себе» устойчивости. Даже если в будущем Бердяев, действительно, не даст более увести себя от христианской позиции, она поведет его в другом направлении.

6. Религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьёва (1905–1918)

В 1905 г. Булгаков основал в Москве Религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьёва. Целью и предназначением этого общества было, прежде всего, продолжить развитие намеченного Соловьёвым синтеза науки, философии и религии¹⁰⁴. Также и Бердяев выражал свою уверенность в том, что философия не может существовать без религии, она «органическая функция религиозной жизни»¹⁰⁵. Кроме того, московское общество казалось ему серьезнее, нежели петербургские круги. В то время Бердяев был связующим звеном Религиозно-философских обществ в Петербурге, Киеве и Москве¹⁰⁶. Соловьёвское общество в значительной степени отличалось от его двойника в Санкт-Петербурге тем, что не задавалось целью покончить с традициями и основать новую религию. Для него первостепенной задачей была «научно обоснованная и традиционно-христианская критика теологии и церкви». Однако члены общества оказались в оппозиции к церкви¹⁰⁷. Итак Бердяев по содействию Булгакова вступает в православные круги, которые все же остались ему навсегда чужими.

¹⁰⁴ *Scherrer J.* Die Petersburger Vereinigungen. S. 223–224.

¹⁰⁵ *Ibid.* S. 224 (Прим. 170).

¹⁰⁶ *Вадимов А.* Жизнь Бердяева. С. 101, 104.

¹⁰⁷ *Burchardi K.* Die Moskauer Vladimir-Solov'ev-Gesellschaft. S. 128.

ми¹⁰⁸: «Я проходил странником через московские религиозно-философские и православные круги. В этой среде я был наиболее «левым» и «модернистом», наиболее представляющим «новое религиозное сознание», несмотря на мое искреннее желание приобщиться к тайне Православной церкви.»¹⁰⁹ Это отчуждение он рассматривал как основное отличие между ним и Булгаковым: «Только в начале московского периода моей жизни я впервые почувствовал красоту старинных церквей и православного богослужения и пережил что-то похожее на то, что многие переживают в детстве, но при ином состоянии сознания. Я всегда чувствовал огромное различие между мной и С. Булгаковым в отношении к унаследованной православной традиции. С. Булгаков происходил из среды православного духовенства, его предки были священники. Я же происхожу из среды русского дворянства, проникнутого просветительски-вольтерианскими, свободомыслящими идеями. Это создает разные душевные типы религиозности даже при сходстве религиозных идей.»¹¹⁰

Для Соловьевского общества в центре находился историко-философский взгляд Соловьева, который был призывом к ответственности в «этом» мире. Нормативной исходной точкой «революционной» практики должно было быть не бесклассовое общество, а наступление царства Божьего¹¹¹. В социально-политическом отношении члены общества высказывались за юридическую гарантию прав граждан, разделение церкви и государства, как и за экономическое преобразование согласно христианским заповедям. Как пишет Кристиане Бурхарди, первая фаза (1905—1909) Соловьевского общества ознаменовалась полемикой с социализмом революционной интеллигенции. Во второй

¹⁰⁸ *Вадимов А.* Жизнь Бердяева. С. 104, 108—109.

¹⁰⁹ *Бердяев Н. А.* Самопознание. С. 159.

¹¹⁰ Там же. С. 172.

¹¹¹ *Burchardi K.* Die Moskauer Vladimir-Solov'ev-Gesellschaft. S. 16.

фазе (прим. 1910–1912) анализировались общественные проблемные стороны в свете философии Соловьева, в то время как в третьей фазе (1912–1918) члены общества отошли от текущих событий и сконцентрировались на религиозно-философских вопросах. Здесь проявилось расхождение позиций, при этом консервативно-славянофильская тенденция получила ведущую роль. Бурхарди связывает это не с сомнением в возможности синтеза славянофильской и западной традиций, а, прежде всего, с влиянием таких внешних факторов, как внутривосточное развитие и Первая мировая война¹¹².

Булгаков в 1906–1918 гг. работал в Москве и оказывал значительное влияние на протекающие дебаты. По словам Андрея Белого, он был неутомимой «душой» общества, его «Марфой и Марией», в то время как все остальные были просто «Мариями»¹¹³. Бердяев из-за трудностей в совместной работе с издательством «Путь» (см. ниже) только до 1911 г. принимал участие в деятельности общества в качестве ведущего члена¹¹⁴. Его интерпретация Соловьева отличалась от интерпретации других, поскольку он не принимал всерьез учение о Софии¹¹⁵, что проявилось, например, в шуточном замечании по отношению к поэтессе Аделаиде Герцык: «У вас был Сергей Николаевич? Был очень «софиен?»»¹¹⁶. Тем не менее, Бердяев занимал сторону Булгакова и Эрн в конфликте за интерпретацию Соловьева. Булгаков и Эрн в своем мировоззрении приняли славянофильский идеал религиозного призвания России как определяющую ценность. Когда как Трубецкой считал избранную роль России

¹¹² *Ibid.* S. 17–18, 142, 255.

¹¹³ *Белый Андрей*. Из воспоминаний о русских философах / Сост. Й. Мальмстад // *Минувшее. Исторический альманах*. Т. 9. М., 1992. С. 349.

¹¹⁴ *Burchardi K.* Die Moskauer Vladimir-Solov'ev-Gesellschaft. S. 141.

¹¹⁵ *Ibid.* S. 234, Примечания 14 и 15

¹¹⁶ *Герцык Е. К.* Воспоминания (Фрагмент) // С. Н. Булгаков. *pro et contra*. С. 193.

у Соловьева преувеличенной¹¹⁷. Националистическая тенденция усилилась в мировоззрении Бердяева и Булгакова в годы Первой мировой войны¹¹⁸.

Подробный отчет об одном из заседаний Соловьевского общества можно найти в мемуарах Федора Степуна. Он описывает Бердяева и Булгакова как «философских спутников». Степун был с 1910 г. издателем журнала «Логос» в Москве. Он дает описание разным личностям, присутствующим на собрании от 1914 г. (что свидетельствует, между тем, о том, что Бердяев ещё не окончательно решил расстаться с обществом):

«Рядом с князем (Трубецком), простоватый на первый взгляд, Сергей Николаевич Булгаков, похожий, пока не засветилась в глазах мысль и не прорезалась скорбная складка на лбу, на смышленного дачного разносчика; несмотря на такую скромную внешность, выступления Булгакова отличаются обстоятельностью и своеобразной глубиной ума. Думаю, что вклад этого мыслителя в сокровищницу русской культуры окажется, в конце концов, более значительным, чем многое написанное его современниками... Значение Булгакова предвоенной эпохи заключалось главным образом в его эволюции от марксизма к идеализму и в попытке христианского пересмотра основ политической экономики (...) Рядом с Булгаковым — его философский спутник, Бердяев. Оба начали с марксизма, оба эволюционировали к идеализму и вот оба со страстью защищают славянофильскую идею христианской культуры, строят, каждый по своему, на Хомякове, Достоевском и Соловьеве русскую христианскую философию. По внешности, темпераменту

¹¹⁷ *Burchardi K.* Die Moskauer Vladimir-Solov'ev-Gesellschaft. S. 243. Эрн описывает заседание Соловьевского общества, на котором Булгаков и Бердяев активно критиковали Трубецкого: Е. Голлербах. К незримому граду. Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000. С. 168.

¹¹⁸ *Burchardi K.* Die Moskauer Vladimir-Solov'ev-Gesellschaft. S. 234.

и стилю Бердяев полная противоположность Булгакову. Он не только красив, но и на редкость декоративен¹¹⁹».

Степун указывает на то, что каждый из них развивал русскую христианскую философию на свой собственный лад, и подчеркивает контраст между страстным характером Бердяева и задумчивостью Булгакова.

Прямо противоположную картину дает Василий Розанов, который сравнивает пассивный стиль выступления Бердяева с воинственным стилем Булгакова:

«[Лекции Бердяева] не имеют того “энергизма”, какой есть во всяком чтении С. Н. Булгакова, природы бурной и буйной, гипнотизирующей слушателя и срывающее у зала то гиканье и аханье, какое превращает иногда «ученое чтение» в нечто совсем другое. Но чтения Бердяева одухотвореннее, умственно разработаннее, тоньше. Видно, что его натура более пассивная и размышляющая, нежели натура Булгакова, более стремительная, и даже стремительная до удара кулаком по столу (жест, к которому он не раз прибегал). Я все соединяю этих чтецов, так как литературный их путь “от марксизма к идеализму”, в сущности, один, и только они двое так определенно и выпукло идут по нему. Зато менее культурный ум Булгакова более прям и честен: ударить-то он ударит по столу, напугает, но поведет прямо, прямою улицею, без переулочков, без “путания” и уклончивостей. Пассивная, одухотворенная, эстетическая натура Бердяева, напротив, знает уклонения, путаности, «подпольный мир» философии, морали и, может быть, политики. Бердяев привлекательнее, Булгакову можно более довериться. Чтения Булгакова слушать не хочется, а когда он кончил, хочется ему пожать руку, сказав: “Хорошо, брат”. Бердяева, напротив, дремля или опустив голову, слушаешь, заслушиваешься; мелькают около “средних мыслей” или “обыкновенных мыслей” глубокомысленные

¹¹⁹ Степун Ф. А. Москва накануне войны 1914 года. // Новый журнал. 1951. № 26. С. 141–142.

афоризмы, интригующие намеки, и вся вообще умственная ткань его узорна, тонка, изящна: а когда он кончил — учтиво поблагодарить его за удовольствие и проститься, сказав: «Вам, Иван Иванович — направо, а мне — налево»¹²⁰.»

Из этого описания следует, что присущий обоим спутникам «революционный огонь» проявлялся у Булгакова скорее в открытых речах, у Бердяева — в его стиле письма.

Следующее свидетельство принадлежит Андрею Белому, который говорит о разнообразном стиле борьбы у мыслителей. Мировоззрение Бердяева он сравнивает с вокзалом, через который каждый день проходит множество поездов в разных направлениях и который обслуживает всех на свой оригинальный манер. Белый характеризует Бердяева как догматика и жестокого воина с ручкой-мечом, как Дон Кихота, который в обращении очень мягок. Булгаков же напоминает ему «свежий, устойчивый и смолистый лес с множеством иголок и ягод». Булгаков, по его словам, воин-христианин, твердо держащий в руке свой меч и знающий свои границы¹²¹. Белый дает многие прямые сравнения:

«Несмотря на всю разность наших позиций, — С. Н. Ласково, так сказать, меня обволакивал, вслушиваясь в каждое мной произносимое слово, которое переводилось им тотчас же на собственную позицию; Бердяев же не слушал меня, а как бы демонстрировал. (...) [Булгаков] был знаток человека, и нет, не «профессор» Булгаков, хотя был «профессором» он; в нем таились тогда уж потенции к «батьюшке», к «опыту», к келье, ко старчеству и к Зосимовой Пустыни (...); меж тем: я Бердяева вовсе не мог бы представить себе посещающим «что-либо» или «кого-либо»; все к нему подъезжали (к центральной станции, а ему

¹²⁰ Розанов В. В. На чтениях Бердяева (1907) // Библиотека Якова Кротова: www.krotov.info/library/02_b/berdyayev/de_1907roza.html

¹²¹ Белый А. Из воспоминаний о русских философах. С. 330, 335, 340, 350—351.

было некуда ехать: Зосимова Пустынь, Сергей Николаевич Булгаков ведь следовали в расписании поездов — в поездах, им помеченных под таким-то номером: мимо станции «Мировоззрение Николая Бердяева»). (...) Было в Булгакове тихое, обнимающее молчанием сосредоточенного восприятия, почти женственного по силе отдачи себя возникающей вести. (...) там, у Булгакова «со»-весть вставала; вставал же Бердяев с огромною повестью (...). На мягкую восприимчивость надевал С. Н. частью панцирь воителя: сковывался годами меч воина — догматическое богословие, столь смущавшее многих (и нас между прочим); но «латы» он дома снимал; Николай Александрович в «латах» сидел у себя за столом; в них пил чай. Превосходно владел он рапирой и шпагой; и ими прокалывал точки он зрения; С. Н. владел превосходно мечом, прибегая к нему очень редко. (...) После я понял: идеология — пустяки для Булгакова; и убедился — опять-таки после: идеология для Бердяева — все: ею весь начинается он; ею он и кончается; а для Булгакова действителен опыт, хозяйство сознания, «София»; идеи логические для него только щит, защищающий то, что проверено опытом; ради «идей», порою абстрактной, Бердяев, несущий тяжелое бремя своей государственной философии, — бьет человека, его от себя отшибая; Булгакову — все человек; между тем: человека как такового идейно готов засадить он в застенок из догматов там, где идейно Бердяев все делает, чтобы разбить в человеке футляр догматизма; но «философия свободы» Бердяева — в голове у Бердяева; в сердце же — догмат, застенок; обратно: свободой пылает живое, любовью обильное сердце Булгакова, а в голове догматизм; я Бердяева ощущаю какою-то грустною, сострадательною любовью (все кажется мне, что ему очень трудно). Булгакову сострадать? Нет: он счастлив избытком любви и конкретнейших радостей; в жизни всегда он, хотя убегает в «пустыню», чтоб там развести вокруг себя цветники; Бердяев — вне жизни; на кончике он языка проповедует волю

к цветению, к творчеству, а на скучнейшее заседание он убежит из любого конкретного общества.»¹²²

Из описаний современников становится ясно, что Булгаков и Бердяев имели общие устремления, благодаря которым, несмотря на явные различия, их рассматривали как «пару». Описанная Белым натянутость между догмой и свободой, между головой и сердцем привела со временем все же к открытому конфликту.

7. Издательство «Путь» как перепутье (1910–1912)

В 1910 г. Маргарита Морозова (1873–1958) создала в Москве издательскую группу «Путь», к числу редакторов которой принадлежали также Бердяев и Булгаков¹²³. После смерти мужа Морозовой, промышленника А. Морозова, её салон становится одним из важнейших интеллектуальных центров Москвы. Издательство «Путь» было тесно связано с московским Соловьевским обществом¹²⁴. Группу считали центром «либерального национального сознания», она развивала идеологическое обоснование для реорганизации самодержавной империи в гражданское демократическое государство. При этом славянофильские схемы мышления связывались с европейской традицией христианской политики. Группа считала, что только русско-православная церковь способна сыграть консолидирующую роль в русском обществе¹²⁵. Члены «Пути» занимались, наряду с издательской деятельностью, оборудованием библиотеки, школы для детей, двух лазаретов для раненых (1914 г.), и прежде всего, активно выступали с докладами в университетах и общественно-поли-

¹²² *Белый А.* Из воспоминаний о русских философах. С. 339, 343–344, 346.

¹²³ А также Е. Н. Трубецкой, В. Ф. Эрн и Г. А. Рачинский: Е. Голлербах. К незримому граду. С. 183.

¹²⁴ *Burchardi K.* Die Moskauer Vladimir-Solov'ev-Gesellschaft. S. 233.

¹²⁵ *Голлербах Е.* К незримому граду. С. 56.

тических собраниях¹²⁶. Тесная совместная работа Булгакова и Бердяева привела вскоре к первому серьезному разногласию, которое для Бердяева стало поводом уйти из редакции в 1912 г. Причиной конфликта стали сложные личные и конкретно издательские перипетии. Последние заключались в том, что, во-первых, Бердяев настаивал на издании книги «*La physionomie de saints*» (1875) французского мыслителя-католика Эрнеста Гелло, которую Булгаков, в свою очередь, не воспринимал всерьез, называя «безвкусной поповски-ханжеской писаниной»¹²⁷ без достоверных источников. Во-вторых, речь шла о только что подготовленном Бердяевым и его супругой переводе книги Эдуарда Леруа «*Dogme et critique*» (1907 г.). Перевод, по словам Булгакова, был неприемлем¹²⁸. Разногласие усилилось тем, что Бердяев осенью 1911 г. уехал в Италию, чтобы отдохнуть от семейных тягб и в «стране творчества» написать книгу о «Смысле творчества». Булгаков был не согласен с этой поездкой¹²⁹. Однако, ссора между Булгаковым и Бердяевым, казалось, была, прежде всего, идейного характера, о чем свидетельствует переписка. Бердяев жаловался на московский провинциализм, в то время как Булгаков вместе с Трубецким и Морозовой зачастую называли его дилетантом. Бердяев чувствовал несерьезное к себе отношение со стороны Булгакова и упрекал его в навязывании всем своего собственного мировоззрения: «Кроме того у меня происходит личный и идейный конфликт с Сергеем Николаевичем. Личный конфликт у меня происходит потому, что мне трудно вынести ту степень невнимания к моей личности, которую обнаруживает С. Н., и непризнание моей индивидуальности. С этим связан и идейный конфликт, который лучше бы назвать конфликтом разных мироощу-

¹²⁶ Там же. С. 185–246, 291.

¹²⁷ Кейдан В. И. Взыскующие града. С. 433.

¹²⁸ В пример он приводит перевод словосочетания «*Concil de Trente*» как «*sobor tridcati*» вместо «Тридентский Собор». Кейдан В. И. Взыскующие града. С. 434.

¹²⁹ Там же. С. 457.

щений. Мне трудно жить и работать в той атмосфере уныния и подавленности, отрицания творчества и вдохновения, атмосфере утилитарно-деловой, которую создает вокруг себя С. Н. С. Н. морально навязывает другим, и мне свой путь, свое жизнеощущение, и относится несочувственно к чужой индивидуальности и ее судьбе.»¹³⁰ Булгаков был омрачен упреками Бердяева и пытался его успокоить. Эрну, который был посредником и хотел встретиться с Бердяевым в Риме, он пишет следующее: «Успокаивайте его всячески: пусть он знает, что здесь ведь не враги его и какие-то хулиганы, а любящие его и страдающие за все происходящее люди»¹³¹.

Безусловно, нельзя не упомянуть о некотором упрямстве с обеих сторон, поскольку Булгаков выражается таким образом, что впечатление Бердяева о несерьезном к нему отношении кажется не совсем беспочвенным: «Я употребляю все усилия, чтобы погасить конфликт, но, к сожалению, Николай Александрович обьят прямо какой-то манией «индивидуальности» и боюсь, что усилия окажутся тщетны, да ведь, в конце концов, не можем измениться ни я, с моим пониманием долга, ни он, со взятым им теперь курсом. Конечно, больше всего жалко его самого и больно за дело, которое разбивается личными капризами.»¹³²

Однако, кажется, что Бердяев четко распознал причину расхождений в мировоззрении: разное понимание человеческого творчества, которое, прежде всего, должно было проявиться в бердяевском «Смысле творчества» (1916) — в результате так и неизданным в «Пути» — и булгаковском «Свет невечерний» (1917)¹³³. Бердяев писал Эрну: «Далее всего я расхожусь с С. Н. (...) в оценке религиозно-

¹³⁰ Бердяев к Эрну 21 марта 1912 г. // Там же. С. 453.

¹³¹ Булгаков к Эрну 14 января 1912 г. // Там же. С. 436.

¹³² Булгаков — Эрну 25 февраля 1912 г. // Там же. С. 439–440.

¹³³ В немецкоязычной антологии Ганса Еренберга представлены отрывки именно этих произведений под заголовками «Anthropodizee» (Бердяев) и «Kosmodizee» (Булгаков): Hans Ehrenberg. Östliches Christentum: Dokumente. München, 1923.

го смысла творчества»¹³⁴. Он подробнее описал это в письме от 16 мая 1912 г. к Андрею Белому: «За этот последний год вопрос о творчестве переживался мной как религиозная драма, и на этой почве в мне окончательно созрело новое сознание. Я верю глубоко, что наступает в мире третья религиозная эпоха, эпоха творчества, откровения человека как творца, и идет на смену эпохам ветхого завета, откровения закона, и нового завета, откровения искупления. Эту весну я переживал очень трудное для себя время и вместе с тем небывалый творческий подъем духа. Внутренно неизбежен сделался для меня выход из редакционного состава «Пути». Я слишком далеко ушел от религиозного сознания, господствующего в «Пути», особенно от С. Н. Булгакова.»¹³⁵ Идея третьей эпохи Святого Духа для Бердяева отнюдь не была новой. Тем самым он возвращался к идеям «нового религиозного сознания» круга Мережковского, от которого, а вслед и от петербургского провинциализма — налицо параллель к его настоящей позиции по отношению к москвичам — он некогда дистанцировался.

Возвращение Бердяева Булгаков счел удручающим: «Воротясь в Москву [с похорон отца], я без передышки погрузился в бердяевский кошмар. Он приезжал «ликвидировать». Лично мы встретились еще сносно, но он приехал с новыми дополнениями христианства, «творчеством» (это смесь Мережковского, Вяч. Иванова и собственного темперамента). В своем он тверд и даже хорош в своем безумии, если бы была хоть какая-нибудь надежда на подлинное здесь творчество. (...) После его отъезда чувствовалось как после новых похорон... Помогите ему Господь»¹³⁶ Булгаков признался, что они оба неисправимы, и он рассчитывает на то, что в данном случае речь идет не о личной вражде

¹³⁴ Кейдан В. И. Взыскующие града. С. 453.

¹³⁵ Цитата из Голлербах Е. К незримому граду. С. 177.

¹³⁶ От 14 мая 1912 г. к Глинке, цитата из Голлербах Е. К незримому граду. С. 178.

дебности, а просто об отчуждении: «Личной враждебности, хочется думать, у нас не появилось и не появится, но отчужденность неизбежна. Силен и лукав сатана!»¹³⁷ И далее: «В истории Н. А. сплелись в одно и случайные причины: обиды личные, моя требовательность в делах при его либеральности с глубоким иррациональным кризисом его души, потребностью бунта во имя индивидуальности, рыцарской его смелости и безудержности и рокового его дилетантизма, который решительно застилает ему глаза. Пафос его — «творчество», которого у него нет в настоящем смысле, но в то же время он способен пройти этот путь до конца, как будто бы был настоящим творцом. Думаю о нем с тревогой и болью, но — увы! — каждый из нас в своем неисправим и влеком фатумом своей судьбы.»¹³⁸

Это отчуждение, конечно, свидетельствует и о борьбе за власть двух сильных личностей, в которой один из них, Бердяев, в конечном итоге признал очевидное господствующее преимущество другого, Булгакова. Сделав соответствующие выводы, Бердяев отделился в институциональном порядке от Булгакова, чтобы занять позицию не второсортного члена редакции, а её свободного сотрудника, кем он хотел оставаться: «Ничего враждебного и демонстративного в моем выходе нет, я остаюсь сотрудником «Пути» и сохраняю дружеские отношения с его участниками. (...) Меня разделяют с Сергеем Николаевичем не разные мысли, идеи, (...) а разные чувства жизни, разные религиозные оценки. Наше идейное единство казалось большим, чем реально было наше жизненное единство, и это гораздо глубже, чем различие в характерах и индивидуальностях»¹³⁹.

Прозрачное объяснение конфликта также приветствовалось. Елена Герцык пишет: «Но мне все-таки и почему-то ка-

¹³⁷ Кейдан В. И. Взыскующие града. С. 457.

¹³⁸ Там же. С. 472.

¹³⁹ Там же. С. 461–462.

жется, что это обострение не к худу, а к добру, потому что не может делаться большое дело с тем накопившимся тайным раздражением к сотрудникам, какое я видела в Москве — лучше пусть оно будет высказано до конца»¹⁴⁰.

Из заметок по теме «творчество» обоих мыслителей видно, что перелом в отношениях носил исключительно идейный характер, при этом взгляды на ранее общее дело — (бого-) человеческое изменение и сотворение мира — диаметрально расходились¹⁴¹.

Однако дело оказалось все же не совсем безобидным, так как в 1915 г. Бердяев объявил себя «решительным врагом православной платформы»¹⁴². Проявилось это в длинной статье о «Возрождении православия (о. С. Булгаков)», которую в 1916 г. опубликовал Бердяев, опираясь, прежде всего, на книгу «Философия хозяйства» (1912 г.). Здесь и была кульминация бердяевского отчуждения от Булгакова в форме явного сопротивления: «Я отношусь очень критически к булгаковскому типу религиозной мысли и хочу

¹⁴⁰ Голлербах Е. К незримому граду. С. 175 (Прим. 3).

¹⁴¹ Следующие отрывки из писем С. Н. Булгакова к А. С. Глинке говорят о напряженном отношении между Булгаковым и Бердяевым: Письмо от 13 февраля 1913 г.: «В Москве Н. А. Бердяев. Мы встречаемся внешне хорошо, но остается какая-то дальность и отчужденность. Это и естественно: пишет он свое «творчество» и на нем уперся, хотя, верится, что это больше упорство, а не подлинная его сущность.» Письмо от 26 мая 1913 г.: «Николай Александрович уехал из Москвы, предполагал «посмотреть в Гельсингфоре Штейнера», что из этого выйдет — не знаю. Вспоминаю о нем с любящей тревогой. Но все-таки нахожу, что он в периоде своего цветения. Таким углубленным и самособранным я его еще не видел, не помню, приходилось ли мне Вам выразить это впечатление?» Письмо от 1 ноября 1913 г.: «Приехал Н. А. Бердяев. Виделись и уже спорили. У меня двойственное чувство: с одной стороны, для себя, он, несомненно, в росте духовном, в напряжении и страдании, а вместе с тем, его несознаваемый им «идеализм», который он принимает за реализм. Но люблю я его, мне кажется, не меньше прежнего, хотя и боль от него» (*Кейдан В. И.* Взыскующие града. С. 509, 533, 556).

¹⁴² Голлербах Е. К незримому граду. С. 179–180.

религиозно ему противиться»¹⁴³. Сама критика, а также лексика этой открытой полемики ясно выражают суть различий: новое православие есть «модернизм нетворческий», который застрял в своей расщепленности между «старым православием» и «современной культурой» и не находит выхода. Булгаков — «представитель общего, исторически-типического значения» и не представляет никакой индивидуальности. Он, по словам Бердяева, экстремальный дуалист, требующий абсолютного отделения Бога от человека, трансцендентного от имманентного. Он ничего так не боится как мира, человека и божественного в человеке и бежит от этого всего в сферу трансцендентности. Он не верит в божественное в человеке. Он ведет двойственное, компромиссное, несвободное, послушное существование, что лишает всей творческой энергии. Булгаков пытается оправдать мир, понимая его как хозяйство, а Бога как его хозяина. Его религиозный материализм пребывает в зависимости от естественных потребностей и рождении. Он считает творчество сатанизмом, он принижает человека до твари, дрожащей перед её создателем. Исхода истории человек Булгакова ждет пассивно и в страхе, не оказывая активного воздействия на историческую судьбу мира. Булгаковское понимание Софии есть утверждение материи как божественной материи и свидетельствует о его женственно-пассивной религиозности. Соответственно, Булгаков у Бердяева все то, с чем он сам боролся: экономист, материалист, натуралист, вечный кантианец, рационалист, агностик, авторитарный догматик, немистик. Он не понимает значение гуманизма и ничего не сделал для решения социального вопроса. Он остается буржуа-демократом и материалистом, либеральным реакционером, романтичным политиком-реалистом, который не хотел дать погибнуть старой России, чтобы пробудить новую жизнь: Бердяев далее выступает за рево-

¹⁴³ *Бердяев Н. А. Возрождение православия (о С. Булгаков) // Н. А. Бердяев. О русской философии. Свердловск, 1991. С. 193.*

люцию, в то время как Булгаков пытается её предотвратить. Булгаковская религия, продолжая мысль Бердяева, не знает никакого духовного возрождения, он остается в плену старозаветной, еврейской богобоязненности (в отличие от греческого богопонимания). Все же он серьезен и честен и имеет огромное значение для русского сознания, которое отделяется от атеистского и материалистического прошлого и возвращается к христианству. Несколько приятных слов в конце рассуждений не могут скрасить уничтожающего приговора, который Бердяев выносит Булгакову: «Невозможность имманентно, внутри освятить жизнь и творчество в мире ведет к пассивному принятию мира, к смирению перед миропорядком, таким, каким он дан, к освящению авторитарной общности. Такое отношение к жизни подрезывает крылья, лишает творческой энергии. Мы сталкиваемся с интересным парадоксом религиозной мысли. Трансцендентный разрыв между Богом и миром, отрицание божественности мира на практике ведет к смиренному и покорному принятию мира таким, каков он есть, вплоть до смирения перед злом. Имманентное постижение мира, как внутреннего момента божественной жизни, на практике ведет к неприятию мира таким, каков он есть, к направлению творческой энергии на преобразование мира. Булгаков религиозно себя обессиливает и не может направить свою энергию на реформирование [революционирование] и преобразование мира. [...] Булгаков не любит человека, и ему ничего не открывается в человеке»¹⁴⁴. Между строк Бердяев заключил свое собственное, противоположное мировоззрение, что в большей степени позволяет распознать основу задачи обоих мыслителей как «*tertium comparationis*»: поиск творческих возможностей человека в этом мире.

Враждебную позицию Бердяева Булгаков прокомментировал в своем отчете о различных собраниях в 1916 г., на которых ораторы выступали за свержение царской власти

¹⁴⁴ Там же. С. 186–187, 192.

и на которых Бердяев критиковал булгаковскую склонность к монархизму. Булгаков рассказывает: «Н. А. Бердяев бердяевствовал в отношении ко мне и моему монархизму. (...) Был ряд ораторов, в числе их я запомнил именно Н. А. Бердяева, п. ч. он по обычаю говорил против меня и бил именно по мне»¹⁴⁵. Булгаковская позиция в меньшей степени соответствовала политическому монархизму, нежели своего рода теократической ностальгии по хорошему «мудрому царю». В своих поздних автобиографических заметках сам он обозначил это как «мечтания»¹⁴⁶.

При других обстоятельствах подобные разногласия привели бы к окончательному расхождению путей Бердяева и Булгакова. Но в годы Первой мировой войны и намечающейся революции все защитники духовной культуры оказались в одной лодке, на так называемом «пароходе философов», который впоследствии отправит их в эмиграцию¹⁴⁷.

8. Революция и эмиграция (1917—1922)

После революции 1917 г. и свержения царя Бердяеву предложили должности во временном правительстве, от которых он отказался. В марте вместе с Булгаковым он принимал участие в объединениях художников в Московском художественном театре. Здесь образовался «Клуб московских писателей», который должен был представлять интересы русского искусства¹⁴⁸. К тому же в июне была основана Петербургская «Лига русской культуры», а в сентябре 1917 г. ее московский «двойник», в котором также были

¹⁴⁵ Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. С. 89—90.

¹⁴⁶ Evtuhov S. Sergej Bulgakov: A study in modernism. P. 216—217; Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. С. 81—83, 86.

¹⁴⁷ См. также: Коган Л. А. «Выслать за границу безжалостно». Новое об изгнании духовной элите // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 61—84; Chamberlain L. The Philosophy Steamer.

¹⁴⁸ Вадимов А. Жизнь Бердяева. С. 168—171.

задействованы Булгаков и Бердяев. «Лига русской культуры» была тесно связана с временным правительством и выступала за курс реформ в патриотическом духе¹⁴⁹. В этих кругах позже «зародился» сборник «Из глубины» (1918).¹⁵⁰ После Октябрьской революции «Клуб московских писателей» реорганизовался во «Всероссийский союз писателей». Ему было отдано западное крыло дома Александра Герцена на Тверском бульваре, где Союз вел свою «Книжную лавку писателей». Здесь Бердяев руководил философским отделением вплоть до его изгнания¹⁵¹. Между тем он работал в «Хранилище Частных Архивов»¹⁵² и читал лекции в «Государственном институте слова». Этот институт был организован в 1918 г. в Санкт-Петербурге и в Москве при содействии народного комиссара по просвещению Анатолия Луначарского в поддержку ораторского, агитационного и пропагандистского искусства¹⁵³.

С апреля по июнь 1918 г. вышли семь номеров журнала «Накануне»; в этом еженедельнике политического, литературного и общественного содержания публиковались также Бердяев и Булгаков. Здесь зрели и позиции позд-

¹⁴⁹ Chamberlain L. The Philosophy Steamer. P. 34–35; Kolerov M. A. «Лига русской культуры» в Москве (1917) // de visu. 1993. Т. 9, № 10. С. 55–57. Органами этих политических образований наряду с журналом «Русская Мысль» с апреля были также журналы «Русская Свобода» и «Народоправство». В журнале «Народоправство» Бердяев опубликовал около тридцати статей, которые позднее вошли в книгу «Духовные основы русской революции» (1917–1918). См.: Колеров М. А. «Народоправство» (1917–1918). Роспись содержания. // Исследования по истории русской мысли [1]. Ежегодник за 1997 год. С. 277–286.

¹⁵⁰ См.: Из глубины. Сборник статей о русской революции / Под. ред. П. Струве. М., 1991; Колеров М. А. «Новые вехи»: к истории «веховской» мифологии (1918–1944) // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 144–156.

¹⁵¹ Вадимов А. Жизнь Бердяева. С. 191–194.

¹⁵² Там же. С. 204–206.

¹⁵³ ГИС (прежде Государственный институт декламации) в 1930 г. был переименован в Ленинградский институт агитации им. А. Володарского (С. Т. Никольская. Техника речи. М., 1978).

них националбольшевистских сменовеховцев: С недвусмысленной ссылкой на сборник «Вехи» от 1909 г. в 1921 г. в сборнике «Смена вех» они призывали признать большевистское государство новой русской силой и конструктивно продолжать его строительство¹⁵⁴. Однако старые веховцы не присоединились к сменовеховцам, поскольку они не желали лишаться своей политической независимости. На это издательство «Накануне» осенью 1922 г. объявило, что «вынужденные эмигранты заслужили свою судьбу»¹⁵⁵. С 1918 г. Бердяев регулярно организовывал в своей московской квартире доклады и дебаты, результатом этой деятельности стала основанная 26 августа 1919 г. «Вольная академия духовной культуры», которая могла открыто проводить свои мероприятия в больших аудиториях. «Вольная академия» Бердяева проводила семинары и лекции в залах «Высшей женской школы» и «Всероссийского союза писателей». К числу докладчиков принадлежал и Булгаков¹⁵⁶. В то же время Бердяев не был избавлен от ежедневных принудительных работ (например, колоть лед в тридцатиградусный мороз¹⁵⁷),

¹⁵⁴ Колеров М. А. О еженедельнике «Накануне» (1918). Роспись содержания // Исследования по истории русской мысли. 1998. С. 305–309, 536–539. Статья Булгакова «Накануне» в майском номере 1918 г. по своему содержанию связана с его статьей для сборника «Из глубины».

¹⁵⁵ Chamberlain L. The Philosophy Steamer. P. 222–224. Бывший автор «Вех» Изгоев издал в 1922 г. критический сборник «О смене вех»: Колеров М. А. Индустрия Идей: Русские общественно-политические и религиозно-философические сборники 1887–1947. М., 2000. С. 92.

¹⁵⁶ Вадимов А. Жизнь Бердяева. С. 185, 190, 207–210; Галушкин А. После Бердяева: Вольная академия духовной культуры в 1922–1923 гг. // Исследования по истории русской мысли. 1997. С. 238. К руководителям Академии принадлежали А. Белый, В. Иванов, С. Франк, Б. Вышеславцев и Ф. Степун. После изгнания Бердяева оставшиеся члены Академии повторно пытались её зарегистрировать, после чего она была окончательно запрещена Народным комиссариатом внутренних дел (Галушкин А. После Бердяева. С. 239–244).

¹⁵⁷ Ранн Е. Мои воспоминания // Н. А. Бердяев. Самопознание. М., 1991. С. 377.

от периодических домашних обысков и ареста. Известен его допрос, проводимый председателем Чека Феликсом Дзержинским, которому Бердяев сорок пять минут объяснял, почему, будучи христианином, он не может принять коммунизм. В этот раз Бердяев получил лишь запрет на выезд из Москвы и домой был доставлен в сопровождении шофера¹⁵⁸. В 1920 г. Бердяева назначили профессором в Московском государственном университете, где он читал лекции по марксизму до того, как спустя год историко-философский факультет был закрыт. Так, «Вольная академия» массово получала новых слушателей¹⁵⁹. В сентябре 1921 г. было основано московское отделение «Петербургской вольной философской ассоциации», созданной по инициативе Андрея Белого, к которой присоединился и Бердяев. В январе 1922 г. возобновляет свою работу «Российская академия художественных наук» — Бердяев становится членом философского отделения под руководством Густава Шпета. Шестнадцатого августа 1922 г. Бердяева снова арестовывают, приходит сообщение, что его вместе с семьей высылают из страны. Двадцать восьмого августа пароход «Oberbürgermeister Naken» выходит из петербургского порта в направлении г. Штеттина¹⁶⁰.

Одним из самых значимых событий в год революции было начало Всероссийского поместного Собора Русской православной церкви летом 1917 г. После Февральской революции она отделилась от государства, как того уже многие годы ожидали Бердяев и Булгаков. Здесь Бердяев действовал себя в качестве «верующего мирянина», пусть ему все ещё и не нравилась ощутимая связь между сторонниками православия и реакционерами. Он считал протест-

¹⁵⁸ Вадимов А. Жизнь Бердяева. С. 216–218; Chamberlain L. The Philosophy Steamer. P. 100f.

¹⁵⁹ Вадимов А. Жизнь Бердяева. С. 213–214, 218, 228.

¹⁶⁰ Там же. С. 222–227, 236, 244.

кающие на Соборе дебаты мещанскими и комментировал их следующим образом: даже участие Булгакова не сможет поднять их уровень¹⁶¹. Важнейшим церковным событием стало избрание патриарха Тихона по прошествии десяти дней после Октябрьской революции¹⁶². Булгаков был представителем мирян Таврической епархии (Крым) и принимал участие в первых двух (всего их было три) сессиях Собора¹⁶³. Его выступления касались правового статуса церкви в демократическом государстве, отношения церкви к социализму и восстановления патриархата¹⁶⁴.

В 1918 г. Булгаков принял сан священника. Булгаков называет три причины такому на первый взгляд внезапному решению: во-первых, он «оставался один пред лицом Божиим», поскольку потерял контакт с семьей, проживающей в захваченном большевиками Крыму. Булгаков опасался, что они погибли. Во-вторых, освобождение церкви от государственной зависимости подкрепляло его силы. И, в-третьих, ему грозило тюремное заключение, поэтому он хотел как можно быстрее ускорить процесс¹⁶⁵. В посвящении в духовный сан десятого июня 1918 г. в Москве принимал участие и Бердяев¹⁶⁶. Спустя две недели Булгаков уезжает в Крым к своей семье и отказывается, таким образом, от участия в третьей сессии поместного Собора¹⁶⁷. Он планировал вернуться через месяц, чтобы возобновить свою деятельность в качестве профессора по политэконо-

¹⁶¹ Там же. С. 172–173.

¹⁶² *Evtuhov S.* The Church in the Russian Revolution: Arguments for and against Restoring the Patriarchate at the Church Council of 1917–1918 // *Slavic Review*. 1991. V. 50 №. 3. P. 510.

¹⁶³ *Evtuhov S.* The cross and the sickle. P. 191–206.

¹⁶⁴ Речи Булгакова на поместном Соборе: *Булгаков С. Н.* Труды по социологии и теологии. М., 1997. Т. 2. С. 286–300.

¹⁶⁵ *Булгаков С. Н.* Автобиографически заметки. С. 37–39.

¹⁶⁶ См. письмо Бердяеву от третьего июня 1933 г. на стр. 3.

¹⁶⁷ *Локтева О. С. Н.* Булгаков в Киеве осенью 1918 года // *Исследования по истории русской мысли*. 1997. С. 210.

мии в Московском университете¹⁶⁸ и в качестве священника в церкви Ильи Пророка. Однако осенью на обратном пути из Крыма в Москву он все же вынужден был задержаться на месяц в Киеве. С мая 1918 г. Украина и Крым были оккупированы немцами, что усложняло условия передвижения¹⁶⁹. Несмотря на то, что с октября 1918 г. поезда в Москву снова ходили регулярно, Булгаков вернулся в Крым. Основная причина, возможно, кроется в том, что в Москве ввиду его духовного сана ему отказали в разрешении на преподавание в университете. В Симферопольском университете он также потерял это право, когда в апреле 1919 г. большевики завоевали Крым¹⁷⁰. В Крыму Булгаков служил священником в Корейзе, Симферополе и в Ялте. В одной газетной статье сообщается о его деятельности в Симферополе, где осенью 1919 г. на протяжении недели он принимал участие в Соборе Таврической епархии. Между тем, каждый вечер он читал лекции в разных учреждениях¹⁷¹. Поскольку Булгаков говорил и о «иерусалимских большевиках две тысячи лет назад» и связывал таким образом атеистскую утопию радикальной интеллигенции с еврейским хилиазмом, в большевистской прессе распространились слухи, что он призывает к еврейским погромам¹⁷².

¹⁶⁸ См. наприм.: Программы учебных курсов в Московском коммерческом институте (1911–1912) // Исследования по истории русской мысли [6]. Ежегодник за 2003 год. М., 2004. С. 574–576.

¹⁶⁹ Булгаков С. Н. Автобиографически заметки. С. 43. Локтева О. С. Н. Булгаков в Киеве осенью 1918 г.

¹⁷⁰ Там же. С. 212, 215.

¹⁷¹ В «Обществе философского, исторического и социального знания» в Таврическом университете диалог «Трое» о мистической природе власти в стиле рассказа В. Соловьева об Антихристе; в Симферопольской мужской гимназии о «духовных истоках большевизма»; в «Таврическом православном религиозно-философском обществе» о В. В. Розанове, об «Онтологии священных реликвий» и о «Церкви и социализме». Там же. С. 234–236.

¹⁷² Половинкин С. М. Семья свящ. С. Булгакова. С. 17.

До своего заключения Булгаков жил в Ялте¹⁷³. В эти годы он интенсивно занимался католицизмом. Булгаков говорит о том, что надежды на особую роль России были иллюзиями, что православная церковь не абсолютна и должна выйти за свои рамки к христианству¹⁷⁴. Если от посвящения в духовный сан он ждал некоторого успокоения для своей «последней стадии жизни», впоследствии, как и прежде, видел перед собой сложные задачи¹⁷⁵. Когда восемнадцатого декабря 1922 г. вместе со своей семьей (за исключением старшего сына Фёдора¹⁷⁶) он все же должен был покинуть Севастополь в направлении Константинополя, в своем дневнике он отметил, что едет не на Запад «ленивой, буржуазной культуры», а на Запад, где еще сохранилась христианская культура¹⁷⁷.

По прибытию в Константинополь Булгаков ищет контакт с Бердяевым и вскоре получает ответ из Берлина. Бердяев предлагает ему помощь в переселении в Берлин. Кроме

¹⁷³ О подробных обстоятельствах ареста и отстранения см.: Там же. С. 19–22; *Николаенко Н.* Материалы следственного дела профессора священника Сергея Николаевича Булгакова (1921–1922) // С. Н. Булгаков. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. Орел, 1998. С. 429–431.

¹⁷⁴ *Булгаков С. Н.* Ялтинский дневник // С. Н. Булгаков: pro et contra. С. 130–131.

¹⁷⁵ См. Письмо к Глинке от 1923 г.: *Колеров М. А.* «Смерть первая и воскресение первое». Письма С. Н. Булгакова 1917–1923 гг. // Новый мир. 1994. № 11.

¹⁷⁶ Федор Булгаков (1902–1991) не получает разрешение на выезд. Летом 1923 г. переехал в Москву, учился живописи. В 1938 г. он становится членом Союза художников СССР, служит в армии, в 1945 г. женится на Наталье Нестеровой, дочери художника М. В. Нестерова, который в 1917 г. написал портрет его отца. С родителями Федор вел активную переписку, но только после их смерти в 1966 г. смог навестить своих братьев и сестер в Париже. Подробно об этом: *Козырев А., Голубкова Н.* Прот. С. Булгаков. Из памяти сердца // Исследования по истории русской мысли. 1998. С. 112–113, прим. 7.

¹⁷⁷ *Булгаков С. Н.* Из «дневника» // С. Н. Булгаков: pro et contra. С. 144–145 (18 (31) декабря 1922 г. Черное море между Севастополем и Константинополем, итальянский пароход «Jeanne»).

того, Бердяев пишет, что хочет издавать сборник в традиции журнала «Вехи», но без Петра Струве, с которым рассорился из-за политических разногласий. Струве поддерживал восстание Белой армии против нового Советского режима¹⁷⁸. Булгаков, напротив, был против исключения Струве, как и против привлечения консервативно-монархистских «евразийцев»¹⁷⁹. (По иронии судьбы следующий сборник, изданный в Праге в 1925 г., в котором Булгаков и Бердяев выступили вместе, был посвящен тридцатипятилетней годовщине деятельности Петра Струве¹⁸⁰.)

В своем письме Бердяеву Булгаков сомневался в том, что он найдет время написать новую статью. Бердяев планировал в Берлине издание журнала под названием «София»¹⁸¹, к сотрудничеству в котором он приглашал Булгакова. Булгаков же испытывал зависть в отношении этой деятельности, в чем открыто признавался: «Сказать правду, я несколько ревниво отнесся к тому, что Вы уже делаете, о чем, в другом разрезе, и я думал, но надеюсь, что мы можем размежеваться по предмету и во всяком случае не будем соперничать¹⁸².» Возможно, это и было причиной тому, что Булгаков переезжает в Прагу, а не в Берлин.

¹⁷⁸ Plotnikov N. S. Revolution and the counter-revolution: The conflict over meaning between P. V. Struve and S. L. Frank in 1922 // Studies in East European Thought. 1994. № 46. P. 192. См. также: Колеров М. А. Пять писем Н. А. Бердяева к П. Б. Струве (1922–1923) // Исследования по истории русской мысли. 2000. С. 305–306.

¹⁷⁹ Колеров М. А. С. Н. Булгаков в 1923 году: из Константинополя в Прагу // Исследования по истории русской мысли. 2003. С. 602.

¹⁸⁰ Сборник статей, посвященных Петру Бернгардовичу Струве ко дню тридцатипятилетия его научно-публицистической деятельности 1890–1925. Прага, 1925.

¹⁸¹ Журнал «София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии» был основан Бердяевым, Карсавиным и Франком в 1923 г. в Берлине. В свет вышел один единственный номер.

¹⁸² Прот. С. Булгаков — Н. А. Бердяеву, Constantinople 25 января 1923 // Н. Струве. Братство Святой Софии: Материалы и документы 1923–1939. М., Париж, 2000. С. 181.

9. Общая цель: сохранение православной духовности (с 1923 г.)

Чехословакия вместе с президентом Томасом Г. Масариком вскоре ожидала коллапса большевистского режима¹⁸³. Она оказала неслыханную поддержку русским беженцам и содействовала в особенности академикам, политикам, художникам неаристократического происхождения, дабы подкрепить гарант будущего российского гражданского общества. В конце 1923 г. в Праге основан Русский народный университет, самым важным факультетом которого был юридический под руководством Павла Новгородцева¹⁸⁴. Здесь вели свою преподавательскую деятельность также Петр Струве¹⁸⁵ и Сергей Булгаков, последний преподавал церковное право¹⁸⁶. Булгаков руководил, между тем, русской православной общиной в предоставленной ему католической церкви¹⁸⁷. Русские мыслители, будучи в эмиграции, преследовали одну общую цель: намерение усилить религиозное мышление, прежде всего, у молодого поколения, которое росло и воспитывалось за пределами России, но, возможно, в будущем намеревалось вернуться;

¹⁸³ Вместе с тем он был философом и писателем: *Masaryk T. G. Russische Geistes- und Religionsgeschichte*. Frankfurt am Main, 1992. Ср. также сборники от 1930 г. к 80-летнему юбилею Масарика как дополнительные издания к журналу «Русская мысль». Здесь была напечатана статья Булгакова *Was ist das Wort? (1925)*: *Плотников Н. С.* Европейская трибуна русской философии: *Der russische Gedanke (1929–1938)* // Исследования по истории русской мысли. 1999. С. 348–349.

¹⁸⁴ *Chamberlain L.* *The Philosophy Steamer*. С. 187, 190; *Sládek Z.* *Prag: Das «russische Oxford»* // К. Schlögel (Hg.). *Der grosse Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941*. München 1994. S. 218–233.

¹⁸⁵ См.: *Локтева О.* Политический семинар П. Б. Струве (Прага, 1924) // Исследования по истории русской мысли. 1998. С. 397–418.

¹⁸⁶ *Колеров М. А. С. Н.* Булгаков в 1923 году. С. 603–604.

¹⁸⁷ *Chamberlain L.* *The Philosophy Steamer*. С. 192. Здесь он провел погребение Новгородцева и крестины третьего сына Марии Цветаевой.

и при этом сохранить русскую православную традицию¹⁸⁸. В этом их в значительной степени поддерживала американская ассоциация «Young Men's Christian Association (YMCA)», завязавшая еще в 1899 г. по инициативе генерального секретаря Джона Мота контакт в Русским христианским студенческим движением (РХСД)¹⁸⁹. РХСД могла настоять на своем русском православном уклоне, но осталась обязанной быть открытой по отношению к другим христианским конфессиям. Американская ассоциация YMCA в последующем и финансировала Религиозно-философскую академию Бердяева в Берлине и Париже, как и Свято-Сергиевский православный богословский институт, институтский журнал «Православная мысль», напечатанный в издательстве YMCA-Press, как и журнал Бердяева «Путь»¹⁹⁰. Эта финансовая зависимость явилась причиной тому, что Свято-Сергиевский институт осознанно держался в стороне от русской православной церкви за границей в Белграде, что в немалой степени содействовало внутриправославным волнениям, напряженной обстановке. Белградская церковь не признавала церковную независимость РХСД и в 1927 г. отлучила от церкви Булгакова как еретика. Это обстоятельство, среди прочего, побудило митрополита Евлогия отделить свой западноевропейский экзархат от Белградской церкви и представить в юрисдикцию патриархата в Константинополе¹⁹¹. Нельзя недооценивать, впро-

¹⁸⁸ Бердяев Н. А. Значение Русского Христианского Движения. Об идейном кризисе Движения // Вестник Русского Христианского Движения. 1993. Т. II–III, № 168.

¹⁸⁹ Берд Р. YMCA и судьбы русской религиозной мысли (1906–1947) // Исследования по истории русской мысли. 2000. С. 187. В рамках этого содружества Булгаков, к примеру, прочитал доклад «Религия человекобожия в русской интеллигенции», см.: Булгаков С. Н. Два града. СПб., 1997. С. 248–268.

¹⁹⁰ Raeff M. *Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939*. New York, Oxford 1990. P. 78.

¹⁹¹ Берд Р. YMCA. С. 163–168, 177–195; М. Raeff. *Russia Abroad*. P. 123, 135.

чем, политический контекст идеологических разногласий, которые в 1920–1930 гг. стали поводом для американского правительства поддерживать всякую христианскую инициативу с русской стороны в борьбе против атеистского коммунизма¹⁹².

Учредительное собрание РХСД за границей состоялось со второго по восьмое октября 1923 г. в чешском городе Пшеров¹⁹³. В нем принимали участие русские академики из различных европейских эмиграционных центров¹⁹⁴, американцы, англичане и один швейцарец. Бердяев и Булгаков принадлежали к ведущим представителям движения¹⁹⁵. Большинство русских участников собрания намеревались в ходе конференции предпочесть православную церковность интерконфессионализму студенческой ассоциации УМСА. Для этого возобновили деятельность общества «Братство святой Софии», основанного еще в 1918 г. А. В. Карташевым, а также при поддержке патриарха Тихона. Оно стало местом встречи профессоров, руководящих студенческими движениями. Председателем Братства был Булгаков, Бердяев стал его членом¹⁹⁶.

Братство наметило себе следующие цели: «творческое оцерковление» культуры и общества, чем имело ввиду и церковная реформа; примирение образованных слоев общества с церковью; открытие русской православной церкви для вселенского идеала Царства Божьего. Они видели предназначение Восточной церкви в объединении «больших церквей Запада и Востока», среди прочего, поскольку она не принимала участия в исторической борьбе между като-

¹⁹² L. Chamberlain. *The Philosophy Steamer*. С. 237–238.

¹⁹³ Берд Р. УМСА. С. 172.

¹⁹⁴ Париж. Лилль. Берлин. Прага. Братислава, Белград, София, Рига, Юрьев, Кишинев.

¹⁹⁵ Козырев А., Голубкова Н. Прот. С. Булгаков. Из памяти сердца. С. 158–159 (прим. 58).

¹⁹⁶ Струве Н. Братство Святой Софии. С. 6–7.

личеством и протестантизмом¹⁹⁷. В этой открытости по отношению к Западной церкви была главная причина спора между Братством святой Софии и движением евразийцев. Представители последнего (Трубецкой, Савицкий и Сувчинский) отклонили приглашение на вступление в Братство, так как оно «заражено католическим духом»¹⁹⁸. Булгаков на это упрекал евразийцев, прежде всего, в том, что они злоупотребляли верой в национальных интересах¹⁹⁹.

Схожие задачи Бердяев и Булгаков формулируют в высказываниях, почти дословно перекликающихся друг с другом. В своей заключительной речи на конференции в Пшерове Булгаков сказал следующее: «Раньше в Церкви все было дано и устроено так, что можно было жить пассивно. Но теперь все по-иному и нам приходится творить. Нам необходимо соборными усилиями искать новых форм церковной жизни, включающих в себя всех христиан... Православие есть вселенская Церковь, главным носителем его является сейчас Россия, но если мы не будем достойный, Господь сдвинет свой светильник, как это было в Византии. Мы теперь входим в живое общение с другими вероисповеданиями. Как христианин и как православный священник, я чувствую радость, что в нашей работе участвовали представители других конфессии... Мы живем в творческую эпоху, перед нами стоят большие задания, требующие от нас усилий, жертв и труда²⁰⁰». Бердяев же в статье о значении русского студенческого движения пишет: «Движение социального христианства и движение экуменическое возвышают положение христиан в мире. Православный христианин уже не может не участвовать в христианской организации христианско-

¹⁹⁷ Бердяев Н. А. Значение РХД. С. 51.

¹⁹⁸ Колеров М. А. Новые материалы к истории Братства св. Софии: «Веховцы» и евразийцы (1921–1925) // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 148.

¹⁹⁹ Струве Н. Братство Святой Софии. С. 196–206.

²⁰⁰ Козырев А., Голубкова Н. Прот. С. Булгаков. Из памяти сердца. С. 162–163 (прим. 63).

го мира. [...] Потенциальные силы христианства огромны, но они недостаточно актуализованы. Настало время для такой актуализации. И в наше время отношение христианства к движениям, происходящим в мире, не может быть лишь пассивно-охраняющим и защищающим, оно должно быть творчески-наступательным и активным²⁰¹». Именно тема «Творчество», из-за которой десять лет назад разразился спор, снова стала общей целью, о чем свидетельствует последующее письмо Булгакова к Бердяеву: «Я горячо приветствую ту решительность и остроту, с которой Вы обнажали вопрос о творческом начале в церковной жизни и в нашем братстве. Каждый из нас может оказаться слаб в исполнении, но каждый призван, и никакое беднование не освобождает от ответственности. Я нахожу, что обострение этих вопросов полезно для дела братстве. В нашу творческую задачу входит углубление церковного сознания не только единичным усилием, но и общим, братским усилием²⁰²».

Бердяев в октябре 1922 г. учредил в Берлине свою Религиозно-философскую академию, куда в качестве гостевого доцента был приглашен и Булгаков²⁰³. Булгаков на протяжении недели гостил у Бердяевых и заметил, что «они изменились в лучшую сторону», хотя он критиковал католицизм Лидии Бердяевой.²⁰⁴ Между тем, он соглашался с критикой Бердяева в отношении Флоренского и его «стилизованно-

²⁰¹ Бердяев Н. А. Значение РХД. С. 51.

²⁰² 18.4.1924, Praha // РГАЛИ. Ф. 1496 (Бердяев). Ед. хр. 371. Л. 1–4 об. Автор благодарит Е. В. Бронникову за доступ к документам.

²⁰³ Берд Р. УМСА. С. 175, 198, S. 203. (Приложение А: Отчет о Русской Религиозно-философской Академии в Берлине [1923]). В академии преподавали среди прочих Карсавин, Айхенвальд, Ильин, Степун и Вышеславцев. L. Chamberlain. The Philosophy Steamer. С. 209.

²⁰⁴ В июне 1918 г. Лидия Бердяева обращалась в католичество, почти одновременно с посвящением Булгакова в духовный сан. Она охотно общается в это время с ним, т. к., по её словам, он очень изменился. Она радовалась тому, что он оставил позади свою «пустыню искушения». Бронникова Е. В. Лидия Бердяева. С. 16.

го православия»²⁰⁵. В благодарственном письме в Бердяеву Булгаков подчеркнул свои «обновленные чувства привязанности» к нему²⁰⁶.

Другое, менее позитивное чувство привязанности к Бердяеву Булгаков выразил годом ранее в дневниковой записи от ноября 1923 г. Если на конференции в Пшерове он негативно высказывался по поводу «литераторства» Бердяева²⁰⁷, то сейчас он питал сомнение по поводу себя самого и сравнивал себя в этом с Бердяевым, и даже с Соловьевым, которого оба считали своим духовным отцом: «Печальная моя тайна, которой большинство не верят и не знают (кроме, конечно, о. Павла), что я не умею работать по-настоящему, что я невежествен. Таков же, даже хуже, Бердяев, но он этого не видит, не знает и форсит. Таков же был ведь в сущности и Вл. Соловьев, при всей одаренности своей, но и он по-настоящему не знал²⁰⁸». Настоящими учеными-аскетами он называл Василия Болотова, автора истории старой церкви, и каждого незначительного «немецкого специалиста», который всегда знал его тезисы настолько хорошо, как сам Булгаков в своем «глубоком дилетантизме» никогда не знал²⁰⁹. Некоторое ощущение превосходства по отношению к Бердяеву все же можно распознать в этих строчках с выражением собственной скромности.

Новые конфликты не заставили себя долго ждать. Уже на конференции в Пшерове Бердяев питал сомнение по по-

²⁰⁵ Козырев А., Голубкова Н. Прот. С. Булгаков. Из памяти сердца. С. 232–234. Речь идет о рецензии Бердяева «Стилизованное православие» на книгу Флоренского «Столп и утверждение истины». Также и Булгаков видел в этом следы оккультизма, неоплатонизма и гностицизма, не имеющие с русским православием ничего общего. Булгаков С. Н. Из памяти сердца. Орел, 2001. С. 326 (прим. 120).

²⁰⁶ РГАЛИ, Москва. Фонд Бердяева 1496, Ед. хр. 371. Л. 1–4 об.

²⁰⁷ 20.IX./3.X.1923. Козырев А., Голубкова Н. Прот. С. Булгаков. Из памяти сердца. С. 159–160.

²⁰⁸ 28.X./12.XI. Там же. С. 199–200.

²⁰⁹ 12/25 XI. Там же. С. 202.

воду того, вступать ли ему в Братство святой Софии. Булгаков сообщает о «ласковом, но трудным разговоре»²¹⁰, а в письме к Бердяеву о сердечной радости по поводу его согласия²¹¹. Деятельность Братства не увенчалось успехами, и это не только по причине стремительных открытых нападков со стороны движения евразийцев. Изначально наметились серьезные расхождения во мнениях о цели и назначении Братства, что, прежде всего, выразилось в политическом конфликте между Бердяевым и Струве²¹². Струве прямо критиковал Бердяева на страницах своего национально-консервативного журнала «Возрождение», так как последний все же смог найти положительные стороны в коммунизме и говорил о необходимости духовного, немилитаристского его преодоления. Такую позицию Струве окрестил термином «бердяевщина»²¹³. Бердяев отреагировал объявлением о своем уходе из Братства, поскольку он считал недопустимым, что члены Братства открыто выступают друг против друга. Булгаков сожалел о выходе Бердяева из членства. В письме от тридцать первого августа 1925 г. он высказался по различным критическим пунктам и попытался стать посредником. Он противоречит положению Бердяева, что явно атеистическая власть предпочтительна христианскому правительству, так как это якобы усилит противостояние церкви против антихристианских сил. Во-вторых, Советская власть когда-нибудь все же будет покорена милитаристским образом, и не только духовно, потому что их власть основывается именно на милитаристской силе, а не на внутренних убеждениях. В данный момент этой возможности он не видит. Сам Булгаков не хотел принимать никакой политической позиции как служи-

²¹⁰ Там же. С. 161.

²¹¹ *Струве Н.* Братство Святой Софии. С. 187.

²¹² Там же. С. 8–9; *Колеров М. А.* Братство св. Софии: «Веховцы» и евразийцы (1921–1925). С. 150.

²¹³ Подробнее о конфликте см.: *Струве Н.* Братство Святой Софии. С. 312 (Прим. к письму № 36) и С. 313–314 (Прим. к письму № 41).

тель церкви, но ближе в своих размышлениях находился к Струве, который хотя и отдавал предпочтение политике перед религией, но, все же, не желал подчинять церковь политическим партиям правых, как это утверждал Бердяев²¹⁴.

Булгаков видел в Бердяеве ввиду их совместной защиты духовной свободы одного из его «самых духовно родных членов братства». Выход Бердяева из Братства он расценил как ошибочное, так как считал, что совместными усилиями все же возможно противостоять натянутым отношениям: «Не только для Вас, но и для каждого из нас пребывание в братстве связано с трудностями и жертвами, но это иначе не может быть для всякого, кто хочет жить в общении и единении с людьми и не оставаться один. Общая жизнь есть всегда труд и подвиг, — так даже в монастыре. (...) И спор, и даже идейная борьба внутри братства в известных пределах, которые ощутимы практически, если он ведется в достойной и соответственной форме, возможен, хотя, разумеется, лучше было бы, если бы его не было²¹⁵». То, что Булгаков называл нереальной потребностью в гармонии, Бердяев объяснял нонконформизмом: «По характеру я принадлежу к людям, которые отрицательно реагируют на окружающую среду и склонны протестовать. Это также форма зависимости. Я всегда разрывал со всякой средой, всегда уходил. У меня очень слабая способность к приспособлению, для меня невозможен никакой конформизм. Эта неприспособленность к окружающему миру — мое основное свойство²¹⁶».

Как и в случае ухода Бердяева из редакции издательства «Путь» в 1912 г., не стоит считать это отдаление окончательным, что, возможно, прослеживается в официальном выходе Бердяева из Братства, обоснованным им на одном из заседаний. Он продолжал принимать участие на собраниях

²¹⁴ Струве Н. Братство Святой Софии. С. 218–220.

²¹⁵ Там же. С. 216.

²¹⁶ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 26.

в качестве «гостя». Булгаков пишет ему: «В общем, все были совершенно согласны в том, что для нас Вы остаетесь членом братства, как Вы и были, независимо от Вашего образа действий, а потому для нас желательно Ваше участие в его собраниях²¹⁷». Следует отметить, что деятельность Братства оставалась в весьма узких рамках и в 30-гг. была поглощена успешными мероприятиями, проводимыми РХСД²¹⁸, Религиозно-философской академией²¹⁹ Бердяева (где и Булгаков проводил пользующиеся успехом у слушателей семинары по теологии²²⁰) и Свято-Сергиевским богословским Институтом²²¹. Все учреждения должны были служить сохра-

²¹⁷ Струве Н. Братство Святой Софии. С. 227.

²¹⁸ Париж стал центром РХСД в Западной Европе. Деятельность РСХД заключалась в организации встреч дискуссионных кругов, международных конгрессов, мероприятий для детей и публикации журнала «Вестник русского христианского движения», который существует и по сей день. В 1920–1930 гг. Вестник РХД считался либеральным, менее научным вариантом журнала Бердяева «Путь» (*Raeff M. Russia Abroad*. P. 134–137).

²¹⁹ *Beyssac M. La vie culturelle de l'émigration russe en France. Chronique (1920–1930)*. Paris 1971. P. 69. Открытие Религиозно-философской академии в Париже состоялось девятого ноября 1924 г. Целью Академии Бердяева и его журнала «Путь», который выходил с 1925 г., было указать путь к реконструкции России. Здесь печатались почти все значительные мыслители русской эмиграции. Бердяев говорил о развитии пост-революционной социально-философской программы, которая должна выстраиваться на русской православной основе (*Raeff M. Russia Abroad*. P. 144–150).

²²⁰ О деятельности Булгакова в Религиозно-философской академии Бердяева имеются следующие данные: лекция «О непогрешимости церкви» (28.12.1924); семинар по Ветхому Завету (6.11.1925; 22.1.; 5.11.1926; 25.3.1927); лекция по догматическому богословию (Учение о Боге) (09.11.1927); доклад «Богословское учение о предложении св. Даров (Евхаристический Догмат)» (10.3.1929). Другие доклады: доклад в «Академической группе» на тему: «О происхождении слова», речь на открытом собрании РСХД, посвященная памяти покойного князя Г. Н. Трубецкого (16.2.1930) (*Beyssac M. La vie culturelle de l'émigration russe*).

²²¹ Вопрос об основании Свято-Сергиевского богословского института решился в июне 1924 г. на конгрессе РХСД в замке Аргерон, финансиру-

нению православной духовности. Тесная связь Академии Бердяева и Института Св. Сергия подчеркивается тем, что 8 октября 1924 г. состоялось открытое собрание, на котором обсуждалось основание этих двух учреждений под председательством митрополита Евлогия²²². Во время Второй мировой войны заседания Братства Святой Софии проводились лишь два раза в год и прекратились со смертью Булгакова в 1944 г.²²³.

10. Экуменическая деятельность (с 1926 г.)

Официальные экуменические инициативы в 1920–1930 гг. (по выражению Вальера «Золотой век экуменизма»²²⁴) шли со стороны протестантов²²⁵. Уже в XIX веке возникла потребность в вышестоящей организации для протестантских церквей, поскольку последним приходилось бороться с проблемами координирования в миссионерских областях. Одновременно протестанты, католики и православные искали диалога ввиду общей цели в социальной сфере: индустриализация и наконец Первая мировая война пробуди-

вание института осуществлялось через содействие Джона Мотта из ассоциации YMCA. Институт, с одной стороны, готовил священников для эмиграционных церквей, а с другой, служил сохранению неразрывности православной богословской традиции. Это было первым православным учебным заведением на Западе (*Struve N. A. Soixante-dix ans d'émigration russe. Paris, 1996. P. 81–82*). Булгаков был деканом, равно как и интеллектуальным и духовным наставником, руководителем института. Профессоры публиковали свои исследования в журнале «Православная мысль», в журнале Бердяева «Путь» и в издательстве YMCA-Press в Париже. *Raeff M. Russia Abroad. P. 127–128.*

²²² *Beyssac M. La vie culturelle de l'émigration russe. P. 68.*

²²³ *Струве Н. Братство Святой Софии. С. 11–12.*

²²⁴ *Vallière P. Modern Russian Theology: Bukharev, Soloviev, Bulgakov: Orthodox theology in a new key. Edinburgh 2000. P. 282.*

²²⁵ *Reichelt S. G. Nikolaj A. Berdjaev in Deutschland 1920–1950: eine rezeptionshistorische Studie. Leipzig 1999. S. 114–115.*

ли во всех христианских конфессиях общественное сознание. Для Римско-католической церкви энциклики «*Reverum Novarum*» (1891) «Папы рабочих» Лео XIII и «*Quadregesimo Anno*» (1931) Пиуса XI уже имели большое значение. Энциклика «*Reverum Novarum*» с интересом воспринималась религиозными социалистами в России²²⁶. Многие русские мыслители видели в своей экуменической деятельности также продолжение дела Владимира Соловьева²²⁷.

В Париже Бердяев и Булгаков активно занимались экуменическими вопросами. Бердяев организовывал многочисленные официальные, как и неформальные встречи, в которых также принимал участие Булгаков²²⁸. Они проходили начиная с 1926 г. в доме РСХД на Монпарнас 10²²⁹. Прежде всего у французских интеллектуалов — католиков, так называемых «*Renouveau Catholique*»: Эммануэль Мунье, Жак Маритен (который был женат на русской) и Габриель Марсель — русские эмигранты вызывали большой интерес. В журнале «*Ésprit*», издаваемом Мунье, Бердяев опубликовал статью «*Vérité et mensonge du Communisme*» (октябрь 1932), а также «*La Russie soviétique et la guerre mondiale*» (№ 88, 1940). Персонализму Мунье иногда приписывали связь с фашизмом, а также с «филокоммунизмом»²³⁰. Бердяев был приглашен и в «*Décades de Pontigny*», одно из важнейших мест встреч французской интеллигенции²³¹. Между тем, Раефф замечает, что последних скорее интере-

²²⁶ *Raeff M.* Russia Abroad. P. 140.

²²⁷ *Vallière P.* Modern Russian Theology. P. 282.

²²⁸ *Bambauer K. u. G.* Einführung. S. 10; *Struve N.* Soixante-dix ans d'émigration russe. P. 95; *Arjakovsky A.* La génération des penseurs religieux de l'émigration Russe: la revue La Voie (Put'), 1925–1940. Kiev 2002. P. 169.

²²⁹ *A. Arjakovsky.* La génération des penseurs religieux. P. 179.

²³⁰ *Baird C.* Religious communism? Nicolai Berdyaev's contribution to Esprit's interpretation of communism // Canadian Journal of History. 1995. April. P. 13.

²³¹ Ср. также: *Bambauer K.* Nikolaj Berdjajew und die Dekaden von Pontigny // <http://www.borisogleb.de/dekaden1.html>.

совала информация о России, нежели речь шла об обмене мнениями. Позиция французских интеллектуалов по отношению к Советскому Союзу была, как известно, амбивалентной. Истинный же интерес к православию исходил от экуменистов-католиков, таких как Ив М.-Ж. Конгар, Ханс Урс фон Бальтазар и Анри де Любак; позднее они сыграли существенную роль на Втором Ватиканском Соборе²³². Но в январе 1928 г. Папа Пиус XI открыто в энциклике «*Mortalium animos*» осудил экуменическое движение и запретил католикам принимать в нем участие²³³.

Основной причиной этому была проведенная в Лозанне в августе 1927 г. первая экуменическая конференция организации «*Faith and Order*». В конференции приняли участие 439 участников из 59 стран, среди них впервые 22 представителя православной церкви²³⁴. Со стороны русской православной церкви было только архиепископство из Франции и Западной Европы, которое после энциклики Папы лишь усилило свою деятельность. Булгаков принял участие в этой конференции, и живой опыт духовного единства произвел на него сильное впечатление. В своей второй речи он говорил о православном термине «соборность», который мог уловить, по его мнению, неоднозначное понимание церкви как института или духовного органа. После этого Булгакова пригласили принять участие в последующих делах комитета конференции²³⁵.

С 17 декабря 1928 г. в доме Бердяева в Кламаре еженедельно проходили экуменические заседания. Первую встречу

²³² Reichelt S. G. Nikolaj A. Berdjaev in Deutschland. S. 140–146.

²³³ Vallière P. Modern Russian Theology. P. 284.

²³⁴ Arjakovsky A. La génération des penseurs religieux. P. 188–192, 203–204. Речь идет о представителях православной церкви из Армении, Болгарии, Греции, Грузии, Румынии, Сербии и России.

²³⁵ В. Hallensleben. Ökumene als Pfingstgeschehen bei Sergij Bulgakov // I. Baumer, G. Vergauwen. Ökumene. Das eine Ziel – die vielen Wege. Freiburg i. Ue., 1995. S. 156, 160, 162. Ср. также: Булгаков С. Н. К вопросу о Лозаннской конференции // Путь. 1928. № 13. С. 71–82.

они организовали совместно с Маритеном и Булгаковым²³⁶. На что Бердяев высказался скорее (само-) критично: также как и Булгаков, он не был, собственно говоря, официальным представителем православия, так как учение о Софии Булгакова не признавалось. А стесняло его то, что его мысль западные христиане воспринимали как типически православную мысль²³⁷. Булгаков редко принимал участие в неформальных встречах, поскольку считал официальный диалог более действенным. Поэтому он издавал множество научных статей на главные спорные вопросы по теологии, возникающие в противостоянии католической и православной церкви²³⁸. В сборнике «Христианское воссоединение» от 1933 г. свое мнение выразили на эту тему как Бердяев, так и Булгаков²³⁹.

Тем временем отношения между православием и протестантизмом после экуменической конференции в Лозанне усилились, даже если это и приводило к внутренним разногласиям среди представителей православия. И все же мнение сошлись в том, что встреча Западной и Восточной церкви после новой энциклики должна состояться не в Риме, а в Женеве, где находилась резиденция «Faith and Order». В 1927 г. усилился контакт, прежде всего, с англиканской церковью в Англии²⁴⁰. Сходились в основном

²³⁶ *Arjakovsky A. La génération des penseurs religieux. P. 193–194.*

²³⁷ *Бердяев Н. А. Самопознание. С. 262.*

²³⁸ По мнению Булгакова это были: 1. проблематика filioque от 1054; 2. непорочное зачатие Девы (1854) (Ср. *Булгаков С. Н. Купина неопалимая. Paris, 1927*); 3. непорочность Папы (1870) (Ср. *Булгаков С. Н. О Ватиканском догмате // Путь 1929. № XV и XVI*). *Arjakovsky A. La génération des penseurs religieux. P. 196.* Полный список выступлений Булгакова по экуменическим вопросам на русском, французском, английском и немецком языках содержится в Биографии Булгакова, написанной сестрой Еленой: *Монахиня Елена. Профессор Протоиерей Сергей Булгаков // С. Н. Булгаков. Из памяти сердца. Орел. 2001. С. 281–285, и у Льва Зандера: Зандер Л. А. Бог и мир. Париж 1948. С. 159–173.*

²³⁹ *Христианское воссоединение: Экуменическая проблема в православном сознании. Париж, 1933.*

²⁴⁰ *Arjakovsky A. La génération des penseurs religieux. P. 205–207, 211.*

на католическом, а не римском понимании церкви, в преклонении перед патристским наследием, в идентичности литургий и тесном отношении церкви с государством²⁴¹. В английском городе Св. Албан состоялись две конференции при участии студентов православных и англиканских институтов. В январе 1928 г. основано братство «Fellowship of St. Alban and St. Sergius», на пост президента которого выбрали Булгакова. Булгаков до 1939 г. принимал участие в собраниях²⁴².

Эти связи и контакты были значимы для православной эмиграции, впрочем, как и в материальном плане, и предоставляли возможность широкого передвижения, которое вряд ли было бы осуществимо в иных условиях. Булгаков, к примеру, дважды побывал в Америке²⁴³. Представители русско-православной церкви использовали таким образом шанс оказать активное влияние на западную культурную и религиозную сцену во время между Первой и Второй мировых войн²⁴⁴.

В 1929 г. теолог-протестант из Швейцарии Фриц Либ (1892–1970) вместе с Паулем Щютцем (1891–1985) основали журнал «Orient und Occident» (1929–1934), посвященный православно-протестантскому движению. Он считался самым значительным немецкоязычным изданием, в котором могли публиковаться русские теологи и фило-

²⁴¹ Vallière P. Modern Russian Theology. P. 283–284.

²⁴² В 1936 г. Булгаков принял участие в англо-русской конференции по теологии в Мирфилде, также в первом панправославном Конгрессе в Афинах. Gallaher B. A. Bulgakov's Ecumenical Thought. // Sobornost'. 2002. № 24. P. 24–55.

²⁴³ Галлахер пишет о поездках Булгакова с 29.09 по 08.12.1934 в Канаду и в США, также о поездке в США с 29.09 по 6.11.1936. Путеводный дневник Булгакова опубликован: Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. С. 114–35. Gallaher B. A. Bulgakov's Ecumenical Thought. См. также: Отчет о поездке С. Булгакова по Америке (1934) (Father Sergius Bulgakoff in America by his travelling companion) // Исследования по истории русской мысли. 2000. Ежегодник за 2000 год. С. 205–216.

²⁴⁴ Raeff M. Russia Abroad. P. 140–144.

софы²⁴⁵. Бердяев был задействован в качестве соредактора русских статей, авторами которых были Булгаков, Флоровский, Зеньковский и др.²⁴⁶. В письме Бердяева к Либу прослеживается, что Булгаков был его первым советником в этом деле: «С о. С. Булгаковым я уже говорил и он, конечно, принципиально согласен сотрудничать в журнале»²⁴⁷. В журнале публиковались в основном переводы статей из русского издания «Путь»²⁴⁸. Издательство закрылось в 1934 г. по политическим причинам, в том же году Фриц Либ и Карл Барт (1886–1968), теологи-протестанты, были уволены с должности в университете г. Бонн из-за их антинационалсоциалистических позиций²⁴⁹. Либ три года жил вблизи от Бердяевых в Кламаре, до того как был призван в качестве внештатного профессора по догматике, истории теологии, а также истории восточной церкви в университет в г. Базеле²⁵⁰. Совместно они издали в 1936 г. еще три выпуска журнала в издательстве Готхельф в Берне²⁵¹. Между 1934 и 1943 гг. вышли различные немецкие переводы трудов Бердяева в Швейцарии²⁵².

²⁴⁵ Янцен В. Диалог немецких и русских религиозных мыслителей: *Orient und Occident* (1929–1934), *Neue Folge* (1936) // Исследования по истории русской мысли. 2004. Ежегодник за 2003 год. С. 611.

²⁴⁶ *Arjakovsky A. La génération des penseurs religieux*. P. 207–208.

²⁴⁷ Янцен В. Письма русских мыслителей в базельском архиве Фица Либа // Исследования по истории русской мысли. 2002. Ежегодник 2001/2002. С. 269–270.

²⁴⁸ Список содержания: Янцен В. Диалог немецких и русских религиозных мыслителей. С. 622–640.

²⁴⁹ Там же. С. 614, 618, 620.

²⁵⁰ Ср. *Stricker M. Nachlass Fritz Lieb. Öffentliche Bibliothek der Universität Basel*. Basel 1990; Х. Канияр. Фриц Либ и его русско-славянская библиотека // Исследования по истории русской мысли. 2002. Ежегодник 2001/2002. С. 689–701.

²⁵¹ *Bryner E. Berdjajew und die Schweiz* // *Stimme der Orthodoxie*. 1996. № 3. С. 47–48.

²⁵² Католическое, антикоммунистическое и антинационалсоциалистическое издательство Vita Nova в Люцерне опубликовало следующие книги: «*Wahrheit und Lüge des Kommunismus*» (1934), «*Das Schicksal des*

Бердяев и Булгаков, среди прочего, занимались теологами-протестантами Карлом Бартом и Эмилем Бруннером и их «диалектической теологией», которая боролась против либеральной протестантской теологии с ее «просветительским оптимизмом»²⁵³. В ответ Бердяев получил сравнительно слабый резонанс в протестантской теологии, только со стороны профессора философии и пастора Ханса Эренберга, Фрица Либа и Пауля Тиллиха²⁵⁴. Дитриха Бонхёффера также интересовали русские философы. Известно, что тома Эренберга «*Östliches Christentum*» (1925) он читал вместе со статьями Бердяева и Булгакова²⁵⁵.

В 1937 г. в Оксфорде Булгаков принял участие во второй конференции Вселенской церкви под руководством организации «*Life and Work*», а в августе этого же года в Эдинбурге во второй Всемирной конференции, проводимой «*Faith and Order*»²⁵⁶. Бердяев попросил его прочитать доклад по результатам этих мероприятий в его Религиозно-философской академии в Париже, который, вероятно, состоялся в январе 1938 г.²⁵⁷ В рамках этих конференций исследовательский отдел «*Экуменического Совета по практическому христианству*» издал в 1937 г. сборник под названием «*Церковь, го-*

Menschen in unserer Zeit» (1935), «*Die Gefährdung des Christentums durch Rassenwahn und Judenverfolgung*» (1935), «*Von der Würde des Christentums und der Unwürde des Menschen*» (1936), «*Vom Sinn und Schicksal des russischen Kommunismus*» (1937), «*Der Mensch und die Technik*» (1943). Издательство Готтхельф в Берне опубликовало книгу *Von der Bestimmung des Menschen*» (1935), а издательство религиозно-социального объединения в Цюрихе опубликовало трактат «*Christentum und Antisemitismus. Das religiöse Schicksal des Judentums*» в 1939 г.

²⁵³ E. Bryner. *Berdjajew und die Schweiz*. S. 48–49.

²⁵⁴ S. G. Reichelt. *Nikolaj A. Berdjajev in Deutschland*. S. 116.

²⁵⁵ Ch. Ford. *Dietrich Bonhoeffer and Russian Religious Revolution* // Irmgard Koch u. a. *A Crossings Celebration: Ed Schroeder and His Ministry*. St. Charles, 1993. P. 9–24.

²⁵⁶ B. A. Gallaher. *Bulgakov's Ecumenical Thought*.

²⁵⁷ Письма Булгакова к Бердяеву от 12.10 и 04.12.1937 см.: Н. Струве. *Братство Святой Софии*. С. 265–266.

сударство и человек. Русско-православные исследования», в котором Булгаков и Бердяев опубликовали свои статьи: Булгаков на тему «Христианская антропология», Бердяев о «Проблеме человека»²⁵⁸. Таким образом, оба мыслителя, кажется, нашли свою нишу в экуменическом движении во время между Первой и Второй мировыми войнами, в чем их деятельность по антропологическому новообразованию христианской мысли скорее дополняла себя, нежели себе противоборствовала. Это проявится также и в отношении к публикациям друг друга, что будет рассмотрено в последующем.

11. Духовное сближение (1929–1947)

В 1929 г. Бердяев пишет рецензию на вышедшую в том же году книгу Булгакова «Лествица Иаковля. Об ангелах», заключительную часть трилогии о софиологии²⁵⁹. Бердяев не задается детализированным разбором содержания книги, а еще раз указывает на различие между двумя новыми ведущими течениями русской религиозной мысли: космология и антропология. Новизна же заключается в том, что антропология, ведущим представителем которой он видит себя самого, более не имеет однозначного преимущества перед космологией. Антропология и космология, по мнению Бердяева, есть два соразмерных «творческих» и пророческих образа мышления, которым следует дополнять друг друга. Булгако-

²⁵⁸ См.: Forschungsabteilung des Oekumenischen Rates für Praktisches Christentum (Hrsg.). Kirche, Staat und Mensch. Russisch-orthodoxe Studien. Genf, 1937. S. 175–255. Статья Бердяева «L'homme dans la civilisation technique» опубликована также в «Rencontres internationales de Genève» в 1947 г. на тему «Progrès technique et progrès moral».

²⁵⁹ Кроме того: «Купина неопалимая. Мариология». 1927; «Друг жениха. О православном почитании Предтечи». 1929. Ангел, Мария и Иоанн Креститель являются главными фигурами иконы Софии, Премудрости Божией.

ва он считает скорее последователем космологии, которая в отличие от католичество и протестантизма коренится в восточной церкви. На Западе свершилась «нейтрализация космоса», которая привела к субъективному идеализму, с одной стороны, и к материалистскому натурализму, с другой. Только в теософии Бёма и Баадера на Западе были предприняты попытки побороть невыносимый разрыв между творцом и творением. О том же самом — о «возврате к священному, божественному космосу», о восстановлении «лестницы Иаковля» между небом и землей — говорит, согласно Бердяеву, учение Булгакова о Софии. При всем своем восхищении «дерзновением творческой мысли» Булгакова, Бердяев все же указывает на опасности, таящихся в софиологии: во-первых, «ослабленное сознание проблем свободы и творческой активности человека»; во-вторых, предпочтение женственного космического начала (через булгаковские софиологию и мариологию) перед мужским антропологическим началом богочеловека, Логоса (христология) — в этом Бердяев ссылается на книгу Бахофена «Das Mutterrecht» (1861); в-третьих, взгляд на ангелов как на платоновские первообразы человека, что легко можно принять за отрицание человеческой активности и свободы; в-четвертых, акцент на материнской функции Марии, несмотря на то, что на Западе почитание Девы привело к «рыцарству» личности, а на Востоке образ матери к коллективизму; в-пятых, ослабление религиозной эсхатологии и историософии через освящение материи; в-шестых, отсутствие убедительного объяснения свободы и зла и вообще слишком оптимистичный взгляд на мир. Главным отличием между булгаковским образом мышления и своим Бердяев называет понимание «свободы»: у Булгакова возможно только «рождение», а не свободное творчество абсолютно нового. В целом, у Бердяева складывается впечатление, «что творческая мысль о. Сергия Булгакова не может вполне развернуться, она бьется в тисках богословского законничества»²⁶⁰.

²⁶⁰ Бердяев Н. А. О софиологии // Путь. 1929. № 16. С. 95–99.

Булгаков в письме благодарит Бердяева за эту «интересную и сочувственную» рецензию и называет ее «в ... жизни [обоих] еще одной дружеской встречей». Но он добавляет: «Вы знаете, с чем я в ней не соглашаюсь», и спрашивает Бердяева, что тот подразумевает под «тисками законничества»²⁶¹. Последний отвечает, что написал эту рецензию «в страхе» навредить Булгакову. Вызывающей вопросы формулировкой он имел в виду, что попытка Булгакова ввести софиологию в теологию говорит о борьбе между формой и содержанием: «Я очень чувствую, что Ваше положение в мире «духовном», богословском уникально, нет ни одного человека Вам сочувствующего, полное одиночество»²⁶².

В письме от 29 октября 1931 г. Булгаков поздравляет Бердяева по случаю выхода книги «О назначении человека», которую называет «наиболее острой, anregend [нем. в оригинале] и вообще лучшей из ваших книг». Книга, по словам Булгакова, свидетельствует о настоящем «движении христианского духа». Наименее всего его убеждает, как и прежде, бердяевская «ничто-логия», но хорошо удались пассажи о смерти и об эсхатологии «в райской, нежели адской части»²⁶³. Действительно, Бердяев пытался в этой новой книге сформулировать новый взгляд на мир и привлечь форму «космической этики» в свою антропологию, источником вдохновения которой кажется софиология Булгакова. Осознание того, что космодицея и антроподицея не противоборствуют (более) друг другу, а являются взаимным дополнением, выражается и в письме Булгакова к Фрицу Либу, в котором он считает важным противопоставить «нашу софиологию и космо- и антроподицею про-

²⁶¹ Прот. С. Булгаков — Н. А. Бердяеву от 12.05.1929 // Н. Струве. Братство Святой Софии. С. 246.

²⁶² Н. А. Бердяев — прот. С. Булгакову в мае 1929 г. // Н. Струве. Братство Святой Софии. С. 247.

²⁶³ РГАЛИ, Москва. Фонд Бердяева 1496. Оп. 1. Ед. хр. 371. Л. 12 и об.

тив трансцендентизма и антиантропологизма современной немецкой теологии²⁶⁴».

В июне 1933 г. Бердяев поздравляет Булгакова с 15-летним юбилеем по случаю принятия духовного сана и отмечает подъем его богословского творчества, которое, по его мнению, направлено на будущее христианство и еще ждет своей «справедливой оценки»²⁶⁵. В письме от января 1934 г. Бердяев комментирует вышедшую в свет книгу Булгакова «Агнец Божий», представляющую собой первую часть трилогии о Богочеловечестве. Словно Булгаков принял его критику, Бердяев здесь вновь делает акцент на антропологическом элементе: «Это замечательная книга в русском богословии, в ней увенчание идеи Богочеловечества. Много мне близко, т. к. подымает человека из унижения. Более всего ценю, что в книге чувствуется большая свобода, нет рабства и боязни, которые часто болезненно поражают в богословских книгах...»²⁶⁶. По мнению Бердяева, таким образом, Булгаков покинул «тиски законничества». Кроме того, книга Булгакова «Агнец Божий» — сочинение не только богословского, но и философского характера. Бердяев сожалеет, что Булгаков, как и многие теологии, не ссылается открыто на определенную философию. У Булгакова это, по его мнению, как и прежде, Платон, Шеллинг и вообще «еще не преодоленный метафизический натурализм». Бердяев полагает, что различие между ним и Булгаковым носит отныне философский, не религиозный характер. Что двадцать лет назад, в период самого сильного противостояния, звучало абсолютно наоборот.

²⁶⁴ Янцен В. Письма русских мыслителей. С. 405.

²⁶⁵ Н. А. Бердяев — о. С. Булгакову от 2.06.1933 г. (Clamart) // Н. Струве. Братство Святой Софии. С. 250—251.

²⁶⁶ РГАЛИ, Москва. Фонд Бердяева 1496. Оп. 1. Ед. хр. 275. Л. 1—2. Отрывок из этого письма опубликован в книге Струве о «Братстве святой Софии» в списанном Е. Раппом письме от октября 1943 г. Но датирование 02.01.1933 более вероятно, т. к. упомянутая книга Булгакова вышла в 1933 г. Ср. Струве Н. Братство Святой Софии. С. 277.

В том же самом 1934 г. Булгаков отзывается на книгу Бердяева «Я и мир объектов». Он также хвалит обновленное остроумие Бердяева и продолжение темы богочеловека. Булгаков соглашается с Бердяевым «вообще во всех существенных мыслях». В отношении постулированной Бердяевым «автономии философии без предпосылок» Булгаков указывает — почти по аналогии с упреком Бердяева — на то, что и Бердяев исходит из определенных предпосылок. Что, собственно, и не может быть иначе, просто Бердяев не высказывает это с нужной ясностью. Под этими предпосылками Булгаков подразумевает, очевидно, определенные христианские догмы, от которых как от вечных истин исходит Бердяев. Кроме того, — в данном случае Булгаков отвечает на упрек в «непреодоленном метафизическом натурализме» — он критикует «акосмизм или даже антикосмизм «духа»» Бердяева и, прежде всего, дуалистичное, негативно влияющее противопоставление «Я — Объект». Последнее он понимает как «положительную диалектику жизненного самоопределения» Я. Эти положения, по мнению Булгакова, следует отнести к разному понимаю «ничто». Булгаков заканчивает следующими словами: «Не примите этих замечаний за выражение несочувствия тому основному пути антропологизма, т. е. Богочеловечества, который нас соединяет²⁶⁷».

Лидия Бердяева отметила духовное сближение Бердяева и Булгакова в вопросе человеческого облика в своих дневниковых записях в феврале 1936 г. Очевидно, именно по причине этого сближения у Бердяева возникла мысль «устроить небольшое собрание для выяснения различия [своего] учения о человеке в связи с учением о. Булгакова о Софии²⁶⁸». Состоялось ли это собрание в действительности, неизвестно. Записи Бердяевой являются, тем не менее,

²⁶⁷ Прот. С. Булгаков — Н. А. Бердяеву от 13.06.1934 г. // Н. Струве. Братство Святой Софии. С. 252–254.

²⁶⁸ *Бронникова Е. В.* Лидия Бердяева. С. 137.

еще одним доказательством предположению, что Булгаков и Бердяев также в поздних их сочинениях разделяли общую антропологическую установку.

Удивительную духовную близость к Бердяеву Булгаков констатирует в письме от 1938 г. ко Льву Шестову, в котором поздравляет Льва Исааковича с рецензией на Бердяева²⁶⁹: «Само собой разумеется, что не существует большой противоположности — как — между философией — положительного ничто — «свободы-противобога» у Н. А. и моей софиологией, как философией бытия (оказывается тоже — «экзистенциальной философией (...))²⁷⁰». Странно осознавать, что Булгаков не находит между так часто критикуемой им «ничтологией» Бердяева и своей софиологией «большой противоположности». Правда, Бердяев в книге «Русская идея» (1946 г.) резко опровергает, что мышление Булгакова есть экзистенциальная философия. Но все же, представляет его как центральную фигуру «в движении русской мысли к православию». Несмотря на все критические замечания Бердяев в противовес своей рецензии от 1916 г. заявляет, что истинное зерно булгаковской мысли следует искать в вере в божественный принцип, заложенный в человеке, и что Булгаков остался верен основной русской идее — идее Богочеловечества. Софиология, по мнению Бердяева, отрицает абсолютное разделение Творца от его творения. Но Булгаков против воли остался религиозным философом на позициях Платона и Шеллинга и не стал богословом — что Бердяев приводит как комплимент, хотя и жалуется на смешение философских и богословских понятий. Софиология, по его словам, есть (слишком) оптимистичная система, которая не в состоянии решить проблему зла и свободы. Она противоречит эсхатологической пер-

²⁶⁹ Шестов Л. Николай Бердяев (Гнозис и экзистенциальная философия) // Современные записки. 1938. № 67.

²⁷⁰ Из переписки Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова и Л. И. Шестова // Мосты. 1961. № 8. С. 259.

спективе, слишком много рассчитывает на катафатические элементы познания Бога, и остается неясным, признает ли Булгаков возможность нового, третьего откровения. Несмотря на то, что Бердяев говорит о догматической личности Булгакова, при этом хвалит его мыслительную подвижность и его постоянное стремление к новому, к царству духа — что опять-таки, в устах Бердяева, звучит как комплимент²⁷¹.

Последнюю свою оценку Бердяев высказал в 1947 г.: «Божественное в человеке не есть «сверхъестественное» и не есть специальный акт благодати, а есть духовное в нем начало как особая реальность. В этом мы сходимся с о. С. Булгаковым, несмотря на то, что очень расходится со мной в учении о свободе, о творчестве и о зле²⁷²». Отправной точкой в размышлениях обоих спутников остается человек как наивысшая ценность, а также вопрос, каким образом он должен следовать своему божественному призванию к творческой жизни.

Возобновившееся участие в судьбах и мыслях друг друга проявилось, когда учение о Софии Булгакова московский митрополит Сергей объявил ересью, на что Бердяев будет открыто защищать своего друга.

12. «Еретик» Булгаков и его защитник Бердяев (1935 г.)

Московский митрополит Сергей, которого в 1943 г. избрал Патриархом Московским и всея Руси, с 1925 г. был заместителем Патриаршого Местоблюстителя русско-православной церкви, после того как скончался избранный

²⁷¹ *Бердяев Н. А.* Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж, 1946. С. 240–242.

²⁷² *Бердяев Н. А.* Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М., 2003. С. 427.

в 1918 г. на Вселенском Соборе Патриарх Тихон²⁷³. В 1935 г. митрополит Сергей получает из Парижа отрывки из трудов Булгакова, вследствие чего формулирует обвинение последнего в ереси. Монархический, русско-православный Синод в Карловицах потребовал на это обвинительного приговора не только для Булгакова, но и для Владимира Соловьева и Павла Флоренского. В Париже произошли споры между Булгаковым и его учениками Владимиром Лосским и Георгием Флоровским, которые хотели противопоставить булгаковской спекулятивной софиологии «неопатристическое богословие», ставшее определяющим для Института Св. Сергия после смерти Булгакова²⁷⁴. Булгаков, однако, вместе с митрополитом Евлогием из Франции и Западной Европы, отрекшимся еще в 1931 г. от покровительства митрополита Сергия, состояли в экуменическом патриархате в Константинополе. Для разьяснения обвинения Евлогий создает специальную комиссию, дружелюбно настроенную по отношению к Булгакову, так что последний мог продолжать преподавать в Институте св. Сергия в Париже²⁷⁵. В. Лосский впоследствии сожалел о своем обвинении в адрес Булгакова и признал его правильную постановку вопросов²⁷⁶.

Бердяев в свою очередь опубликовал в журнале «Путь» защиту в адрес Булгакова: обвинение православию как «инквизиционному застенку». Журнал «Orient und Occident» опубликовал на немецком языке как обвинительную статью митрополита Сергия, так и оправдание самого Булгакова и реакцию Бердяева. В данном случае нас больше интере-

²⁷³ *Bremer Th.* Kreuz und Kreml. Kleine Geschichte der orthodoxen Kirche in Russland. Freiburg i. Br. 2007, S. 127, 131.

²⁷⁴ Подробнее о разногласиях см.: *Stoeckl K.* Community after totalitarianism. The Eastern Orthodox intellectual tradition and the philosophical discourse of political modernity. Frankfurt a. M., 2008.

²⁷⁵ *Зеньковский В. В.* История русской философии. Л., 1991. С. 201; *Lieb F.* Erläuterungen. S. 27–28.

²⁷⁶ *Bobrinskoy B.* Le père Serge Boulgakov, visionnaire de la Sagesse // *Contacts. Revue orthodoxe de théologie et de spiritualité.* 2004. V. LVI, № 205. P. 31–32.

сует упрек в связанном с софиологией антропоцентризме, нежели само ее порицание: «Далее, обосновывая свою антропоцентрическую точку зрения, на которой он строит всю свою систему (как бы забывая, что история человечества не исчерпывает даже жизни всего тварного мира, например ангелов, тем более жизни Божества), Булгаков утверждает, что «исходная аксиома откровения» — «сообразность между Божеством и человечеством». Отсюда София есть «предвечное Человечество в Боге как Божественный первообраз и основание бытия человека²⁷⁷». Митрополит Сергей считал учение Булгакова наиболее опасным, поскольку благодаря удивительной поэтичности и вдумчиво-благоговейному тону оно излучает сильную притягательность и обладает «гипнотизирующим воздействием»²⁷⁸.

В своем отчете Булгаков критикует следующее: во — первых, митрополит Сергей сам признается в том, что не знаком со всеми его трудами, во — вторых, он игнорирует тот факт, что в 1918 г. несмотря на свою софиологическую книгу «Свет невечерний» (1916 г.), или же именно благодаря ей, Булгаков был посвящен в духовный сан с благословения патриарха и принял участие во Вселенском Соборе; кроме того, митрополит берет на себя роль Папы Римского, который судит *sine consensu ecclesiae*, и свои богословские размышления выдает за церковные заповеди. Булгаков не стал стесняться в своих высказываниях: по его словам, митрополит упускает из виду «ряд книг и большое количество статей на разных языках, в своей совокупности составляющие не одну тысячу страниц и опубликованные мною на протяжении более чем 20 лет»²⁷⁹. Булгаков четко отгородился

²⁷⁷ Указ Московской Патриархии преосвященному Митрополиту литовскому и виленскому Елевферию (№ 1651) // О Софии премудрости Божией. Париж, 1935. С. 8–9.

²⁷⁸ Там же. С. 7.

²⁷⁹ Докладная записка представленная в октябре 1935 г. его высокопреосвященству Митрополиту Евлогию профессором прот. Сергием Булгаковым // О Софии премудрости Божией. Париж, 1935. С. 20–21. Ср.

от обвинения в гностицизме и подчеркнул свою верность всем «догматам Церкви, содержащихся в Св. Предании». В их богословской интерпретации он притязает на личную свободу без притязания на «степень общеобязательного церковного догмата», но «считая всю эту проблематику и доктрину еще принадлежащей к области богословского обсуждения»²⁸⁰.

Но в своей антропоцентрической точке зрения Булгаков остался непоколебим: «Далее митрополит Сергей упрекает меня в *антропоцентрической* точке зрения, поскольку исходной аксиомой является «сообразность человека Божеству». Но это есть просто истина, поведенная откровением: «и сотворил Бог человека по образу Своему», «да владычествует он над всем творением» (Быт. 1, 26–8); неужели же эту истину можно колебать «для православного сознания»? (...) А взаимное соотношение ангельского и человеческого миров я предпочитаю «для православного сознания» определить словами св. Григория Паламы (...): «нет ничего выше человека, духовная природа ангелов не имеет такой энергии жизни, ибо она не получила образованного из земля тела» и т. д.»²⁸¹.

В целом, Булгаков резко отклонил «романизирующий, несоборный приговор» митрополита и апеллировал к «духу православной свободы мысли», и также надеялся на обсуждение его богословского труда в будущем, «когда мои сочинения станут, наконец, доступны русскому православному миру: архиерастьям, пастырям и мирянам. (...) А ныне для меня остается руководственным слово великого апостола, благовестника христианской свободы: «Итак, стойте

также: Докладная записка, представленная профессором прот. Сергием Булгаковым митрополиту Евлогию весной 1927 г. // О Софии премудрости Божией. Париж, 1935. С. 54–64; Еще к вопросу о Софии Премудрости Божией. Докладная записка митрополиту Евлогию проф. прот. Сергия Булгакова по поводу определения Архиерейского собора в Карловцах // Приложение к журналу «Путь». № 50. Париж 1936.

²⁸⁰ Там же. С. 30–31, 51–52.

²⁸¹ Там же. С. 36.

в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергаясь опять игу рабства» (Гал. V, 1)»²⁸².

Эти обвинения в адрес Булгакова чрезвычайно заделли, прежде всего, Бердяева. Лидия Бердяева описывает в своем дневнике эту аферу и то, насколько она затронула умы, например, тех же самых Фритца Либа, Льва Шестова и Георгия Федотова, на ужине у Бердяевых²⁸³. Она пишет, что 9 октября 1935 г. Бердяев узнал об этом происшествии и рассказал ей: «Я устроил скандал... Страшно вспылил! [...] Представь себе: некий г-н Гринченко поднес мне бумагу от митроп<олита> Елеферия, где о. Булгаков обвиняется в ереси¹⁵. Сделано это по доносу отсюда, из нашего прихода. Я заявил, что с доносчиками ничего общего не желаю иметь. Страшно кричал... Какое безобразие!²⁸⁴».

В записи от 26 октября мы узнаем следующую пикантную деталь по этому делу: «Ни взволнован чтением указа митр<ополита> Сергия¹⁹ об осуждении в ереси о. Булгакова. В указе сказано, что сам митр<ополит> книг Бул<гакова> не читал, а осуждает на основании доклада некоего г-на Ставровского (секретаря еп<ископа> Елеферия)²⁰. Кто такой этот Ставровский — все здесь знают, и не ему, конечно, обличать в ереси о. Бул<гакова>, у кот<орого> он, между прочим, не выдержал экзамена, будучи студ<ентом> Богос<ловского> института. Слушая все, что Ни<колай> рассказывал, я не могла даже возмущаться. Есть вещи, кот<орые> достойны только... смеха. Ни<колай> собирается писать громовую статью²⁸⁵». Проведя два дня за работой

²⁸² Там же. С. 51–53.

²⁸³ *Бронникова Е. В.* Лидия Бердяева. С. 121.

²⁸⁴ Там же. С. 116–117. Митрополит Елеферий из Литвы был призван в 1930 г. митрополитом Сергием руководить православными церквями за пределами Советского Союза. Ему и было адресовано распоряжение митрополита Сергия в отношении Булгакова. Но его отклонила большая часть эмиграции, закрепленная за Синодом в Карловицах или же за митрополитом Евлогием в Париже. F. Lieb. Erläuterungen. S. 27.

²⁸⁵ *Бронникова Е. В.* Лидия Бердяева. С. 119.

над статьей, Бердяев немного успокоился, после чего гордо заявил: «Я с гордостью только что думал о том, что могу о себе сказать то же, что сказал о себе Пушкин: Что в мой жестокий век / Восславил я свободу / И милость к падшим призывал²⁸⁶».

Озлобило Бердяева и требование Владимира Лосского опубликовать в журнале «Путь» распоряжение митрополита Сергия, а также изображения братства Св. Фотия, которое также обвиняло Булгакова. Бердяев решительно отклонил претензию Лосского, на что последний ответил ему поучением, что Святой Дух воздействует через церковную иерархию²⁸⁷. В отличие от митрополита Сергия, Лосский обвинял Булгакова не в антропоцентризме, а в «смещении (же) природы и личности²⁸⁸».

Статья Бердяева носит заглавие «Дух великаго инквизитора». Предшествует статье разоблачающее признание Великого Инквизитора Христу из романа Достоевского «Братья Карамазовы»: «Мы не с тобой, а с *ним*, вот наша тайна». Статья поражает православие острым орудием: донос на Булгакова есть верный знак современного «церковного фашизма», диктатуры над мыслью, «православного нигилизма», и вражды к культуре. Если славянофильство прежде похвалялось перед католичеством своей православной свободой духа, то тогда это было неофициальное православие, которое способствовало дальнейшему развитию русской богословской мысли. На практике, по словам Бердяева, католики обладают большим свободомыслием, и немецкая протестантская наука в своем поиске (исторической) истины намного честнее, чем религиозное православие, подделывающее историю. Духовная цензура религиозного православия ничем не отли-

²⁸⁶ Там же. С. 121. Из стихотворения Пушкина «Я памятник воздвиг себе нерукотворный» (1836).

²⁸⁷ *Бронникова Е. В.* Лидия Бердяева. С. 126–127. (Дневники 17, 18, 23 ноября) .

²⁸⁸ *Лосский В.* Спор о софии. «Докладная Записка» прот. С. Булгакова и смысл Указа Московской Патриархии. Париж, 1936. С. 68.

чается от цензуры марксистской ортодоксии. Обоим свойственна утилитаристская трактовка истины, которая служит тирании и сохранению собственной власти²⁸⁹. Софиология Булгакова, согласно Бердяеву, творческий ответ на проблемы современности, сконцентрированный на актуальных вопросах отношения между Богом, творением и человеком. Сам же Бердяев не считает себя приверженцем этого учения, таящего для него определенные опасности (к примеру, сакрализация природы), но в борьбе за свободу религиозной мысли со своим «подзащитным» он солидарен: «Я остаюсь в Церкви Христовой, основанной на любви и свободе. За свободу и творчество в религиозной жизни, за достоинство человека нужно вести героическую борьбу. Истина не есть вещь, предмет, не есть падающая с неба система понятий, она творчески раскрывается и завоевывается в пути и в жизни. Истина дана не для сохранения в каком-то месте, а для осуществления в полноте жизни и для развития²⁹⁰».

В письме от 22 января Булгаков благодарит Бердяева за поддержку: «Приветствую Ваше выступление в защиту духовной свободы, которое в данном частном случае оказывается выступлением и по моему личному делу. Борьба с обскурантским насильничеством есть для нас сейчас общий фронт, перед которым получают второстепенное значение наши расхождения или различия в тональностях²⁹¹».

²⁸⁹ *Бердяев Н. А.* Дух великаго инквизитора (По поводу указа митрополита Сергия, осуждающего богословские взгляды о. С. Булгакова) // *Путь*. 1935. № 49. С. 73–74. Эта аргументация Бердяева очень сильно напоминает его известную статью в «Вехах» от 1909 г. под названием «Философская истина и интеллигентская правда». В ней он обвинил революционную интеллигенцию, что она подчиняет науку и философию своим идеалам, а не поиску истины: То же самое делают сегодня Советское государство и консервативная православная церковь, господствующие, как и Великий Инквизитор Достоевского, над человеческими душами, крадущие у них свободу. Новое, современное Бердяеву заглавие в этом смысле должно звучать как «Христианская истина и православная правда.»

²⁹⁰ *Бердяев Н. А.* Дух великаго инквизитора. С. 81.

²⁹¹ *Струве Н.* Братство Святой Софии. С. 261.

Зачастую Бердяева, а прежде всего, Булгакова упрекали в том, что после активной политической борьбы в годы молодости оба углубились в гармонию религиозных сфер. Эти строки показывают, что отстаивание достоинства человека и его духовной свободы является общим знаменателем (и не самым малым!) для мыслителей, придающим убедительную последовательность их общим стремлениям, открывающим определенную политическую перспективу.

13. Война и мир (с 1939 г.)

В последние годы жизни Бердяева и Булгакова свидетельств их личных контактов крайне мало. Бердяев рассказывает, что встречал Булгакова редко и опасается, «что если мы встречались чаще, то разошлись бы гораздо больше²⁹²». Но даже на расстоянии оба мыслителя всегда находили друг для друга хорошие слова: в 1939 г. у Булгакова обнаруживается рак гортани, он должен перенести две сложные операции, после чего на время он теряет голос. Перед операцией Булгаков получает письмо от Бердяева, который сам очень часто болел, выражающее сожаление по поводу их редких встреч в последние годы, но он «всегда помнил и помн (ит) о пройденном вместе пути»²⁹³.

Перед операцией, чей смертельный исход был очень вероятным, Булгаков пишет прощальные письма друзьям, среди

²⁹² Бердяев Н. А. Самопознание. С. 285.

²⁹³ РГАЛИ, Москва. Фонд Бердяева 1496, Ед. хр. 275. 1.5. Бердяев — Булгакову, Clamart, 13.3.1939: «Дорогой отец Сергей! С большим огорчением узнал, что Вы серьезно больны и что на днях Вам будут делать операцию. Я бы к Вам приехал, но я себя плохо чувствую, трудом читаю лекции, проделываю серьезное лечение, и длинное путешествие мне сейчас трудно. Надеюсь, что операция не слишком тяжелая и что Вы ее хорошо вынесете. Дай Бог Вам сил. Душевно сочувствую Вашим испытаниям. Мы мало виделись в последние годы, но я всегда помнил и помню о пройденном вместе пути. Ваш Ник. Бердяев».

них и письмо Бердяеву: «10.03.1939. Дорогой Николай Александрович! Чувствую потребность, отходя из этого мира, послать Вам и Вашим последнее прощание и благословение. Промыслу Божию угодно было и соединять, и разделять наши духовные пути, но у меня никогда не прерывалось чувство духовного родства и общего служения, которое нас соединяло всю жизнь неким *и*. В частности благодарю Вас и за ту защиту, на которую Вы не раз доблестно выступали и меня это всегда трогало. Да будут пути Ваши благодатны и прямы. С любовью Ваш пр. С. Б.²⁹⁴». После того, как Булгаков немного поправился и мог снова читать и писать, состоялось лишь несколько встреч (о намеченных встречах изложено в некоторых письмах)²⁹⁵.

15 июля 1943 г., за год до смерти Булгакова, Лидия Бердяева цитирует своего мужа: «Из людей, с которыми я был связан в прошлом (С. Булгаков, П. Струве), только во мне остались еще какие-то элементы марксизма. У них они окончательно исчезли. Я же по природе своей — революционер²⁹⁶». Это заключение основывается на том, что Бердяев все еще видел в марксизме положительную революционную сторону. И это несмотря на то, что ранее вместе с Булгаковым он доказывал, что «революционность» социального движения обосновывается не марксистским историзмом, а только христианским образом человека. В этой степени отход Булгакова от марксизма не был отказом от «революционного духа».

Наряду с личными невзгодами последние годы обоих мыслителей были омрачены событиями Второй мировой войны. С марта 1940 г. Бердяев прекращает свою деятельность в Философско-религиозной академии, не издает-

²⁹⁴ Колеров М. А. Заметки по археологии русской мысли.

²⁹⁵ Булгаков — Бердяеву, 26.12.1941: Н. Струве. Братство Святой Софии. С. 275; Бердяев — Булгакову, 11.06. 1943: РГАЛИ, Москва. Фонд Бердяева 1496, Ед. хр. 275. 1.4.

²⁹⁶ Бронникова Е. В. Лидия Бердяева. С. 203.

ся более журнал «Путь». Бердяев не публикуется до 1945 г., но работает над многими книгами²⁹⁷. Нападение немцев на Россию в 1941 г. очень его потрясло. Как яркого критика национал-социализма его часто навещает гестапо. Бердяев узнает, что кто-то из высоких кругов национал-социалистов очень ценит его философию, поэтому его никогда и не арестовывали. Многие из его «спутников» из журнала «Путь» были уничтожены в немецких, а также советских лагерях (к примеру, Лев Карсавин (1882–1952) в лагере в Воркуте). Одновременно Бердяев занимает позицию сторонника Советского государства, что весьма удивительно. Это объясняется тем, что многие русские эмигранты надеялись на «освобождение» России через Гитлера. По воскресеньям у Бердяева в Кламаре собирались («советские») патриотически настроенные русские. Вплоть до 1947 г. Бердяев надеялся на внутреннюю реформу Советского Союза²⁹⁸. В том же году Бердяева предложили претендентом на Нобелевскую премию, а в Кембридже ему присвоили почетное звание доктора теологии²⁹⁹. Надежды Бердяева в отношении советского режима зашли так далеко, что одно время он одобрял сталинскую реставрацию России как мировой державы, как и защиту от фашистского нападения³⁰⁰. В этой позиции Бердяев был не одинок: митрополит Евлогий в 1945 г. подчинил свое «западноевропейское» епископство патриархату Москвы, новообразованному Сталиным. Но перед смертью митрополит признал свою ошибку;

²⁹⁷ Бердяев работал в эти годы над трудами: «Самопознание» (1940/1947), «Русская идея» (1943), «Опыт эсхатологической метафизики» (1946), «Экзистенциальная диалектика Божественного и человеческого» (1947) и «Царство духа и царство кесаря» (1948). *Arjakovsky A.* La génération des penseurs religieux. P. 576.

²⁹⁸ *Arjakovsky A.* La génération des penseurs religieux. P. 572–573.

²⁹⁹ *Klamroth Erich.* Der Gedanke der ewigen Schöpfung bei Nikolai Berdiajew: ein umfassender Überblick über das Werk dieses grossen Russen des 20. Jahrhunderts. Hamburg-Berstedt, 1963. S. 10.

³⁰⁰ *Raeff M.* Russia Abroad. P. 146, 216.

его приемник в 1946 г. добился обратного перевода в патриархат Константинополя³⁰¹.

В парижском издании «Советский патриот» Бердяев опубликовал в 1945 г. статью «О личности и толпе». Речь шла об ответе на статью с утверждением, что фашизм — в отличие от коммунизма — придает личности большую значимость. Бердяев это резко опровергает и приходит к противоположному заключению: единственной системой, которая, в отличие от фашизма и капитализма, может строиться на достоинстве личности, станет советская система, когда признает христианство источником социалистического движения³⁰². По сведениям Бердяева, еще одна статья под названием «Трансформация национализма и интернационализма» в журнале «Русский патриот» шокировала эмигрантскую общественность, а затем и в ноябре 1944 г. зачитанный доклад на тему «Русская и германская идея»³⁰³. В 1947 г. в своих мемуарах Бердяев

³⁰¹ *Stricker Gerd.* Patriarchat Moskau — Exarchat Paris // G2W Ökumensisches Forum für Religion und Gesellschaft in Ost und West. 2008. № 9. S. 23.

³⁰² *Бердяев Н. А.* О личности и толпе // Советский патриот. 1945. № 39. С. 2. В этом вопросе надежды Бердяева не совсем беспочвенны, даже если укрепление идеи о личности привело не к утверждению, а к эрозии Советского Союза: В свете сталинизма с развенчиванием культа личности понятие «личность» пережило «триумфальный возврат в 1960-х в словарь гуманитарных наук и официальной реторики». В программе КПСС в 1961 г. цель партии сформулирована следующим образом: «Обеспечить всестороннее гармоничное развитие личности, сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту, физическое совершенство». *Бикбов А.* Тематизация «личности» как индикатор скрытой буржуазности // Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге / Под. ред. Н. С. Плотникова и А. Хаардта. М., 2007. С. 404, 411. Свидерский также замечает, что в поздние пятидесятые и ранние шестидесятые (гг.) в дискурс проникали идеи, оказывающие давление на «православное» понятие «социального субъекта» и готовящие почву для понятия личности, пришедшего с перестройкой. Вновь открытый «человеческий фактор» привел к разрушению homo sovieticus. *Свидерский Э.* От «социального субъекта» к «личности». // Там же. С. 428.

³⁰³ *Бердяев Н. А.* Самопознание. С. 340.

уверял, что его «советский ориентир» был связан исключительно с прагматическим признанием государственных функций, в остальном же он оставался верен своей анархистской критике и борьбе за свободу. Большие надежды он питал в отношении культа вокруг русской литературы в Советском Союзе, о котором ему рассказал один советский писатель³⁰⁴. В официальной советской позиции по отношению к искусству — прежде всего в запрете поэзии Ахматовой и сатиры Зощенко — Бердяев вскоре распознал тоталитарный характер сталинского режима. Этому посвящена его статья «*De la liberté créatrice et de la fabrication des âmes*», написанная в 1947 г. Одновременно он крайне разочаровывается и в нигилистском течении французских интеллектуалов, таких как Сартр, с которым Бердяев был знаком лично³⁰⁵.

Расизм он отвергал как экстремальную форму натуралистского детерминизма. Как и многие другие, еврейский вопрос он считал не этнической, а религиозной проблемой христианства в обращении с избранным народом. Бердяев рассматривал ее как ось религиозной истории, но не в смысле фокусирования на обращении евреев в христианство, а как поучительную главу христианского универсализма, который обращение к Христу обратил в вопрос личного характера, где речь идет не о формальной религии народов, а о каждом человеке в отдельности. Также и атеистский большевизм не связывался напрямую с еврейским влиянием. Большевизм, по мнению Бердяева, специфически русский, а не еврейский феномен, несмотря на то, что оба народа одинаковы в своем мессианстве. Он видел связь между иудейским хилиазмом и марксизмом в вере в царство Божие

³⁰⁴ Там же. С. 335–336, 340–341.

³⁰⁵ *Arjakovsky A.* La génération des penseurs religieux. P. 581. Ср. статьи «Sartre et le destin de l'existentialisme»; *Nicolas Berdiaeff:* «De la liberté créatrice et de la fabrication des âmes» в: *N. Berdiaeff.* Au seuil de la nouvelle époque. Neuchâtel, 1947. P. 120–140.

на Земле. Однако Бердяев считал в отличие от Булгакова русский большевизм не скрытой еврейской борьбой против христианства, а атеистической реакцией в духе секуляризации на духовно-религиозное мировоззрение, как его преподносили иудаизм и христианство. То, что многие евреи приняли участие в революции и боролись за свободу, объясняется их угнетенным статусом, а не национальной или же этнической особенностью. В этом угнетенном статусе виновны также и христиане, враждебно настроенные по отношению к евреям³⁰⁶.

Отношение Булгакова к иудаизму более неоднозначное. Несмотря на то, что он также порицал расизм и антисемитизм, во всех мировых «антихристианских» движениях усматривал еврейские корни: «Но в то же время сам Израиль остается как бы под маской, является сам для себя скрыт в богоизбранности своей. Его духовный облик искажен под образом материализма — философского или экономического, — плутократизма, большевизма или масонства, ложного интернационала и демократизма, вообще под всем, кроме «единого на потребу» — Царства Божия. (...) Таким образом, мировое еврейство вообще, а в России в особенности, оказывается в борьбе с христианскими началами европейской культуры и, во всяком случае, занимает в ней руководящие позиции там, где эта борьба возникает в среде самих христианских народов, впадающих в антихристианскую апостазия³⁰⁷».

В этом смысле в статье «Иуда Искарот, Апостол-Предатель», вышедшей в 1931 г., он представляет Иуду как «поборника» в духе «еврейского апокалипсиса», как того самого героя на службе у ложной идеи, чей тип он описал еще в своих известных статьях «Иван Карамазов как философский тип»

³⁰⁶ Бердяев Н. А. Христианство и антисемитизм // Путь. 1938. № 56. С. 3—18.

³⁰⁷ Бердяев Н. А. Расизм и христианство // С. Н. Булгаков. Труды по социологии и теологии. М., 1996. С. 624, 626.

(1902 г.) и «Героизм и подвижничество» (1909 г.)³⁰⁸. Немецкий национал-социализм Булгаков называл пародией на еврейские мессианство, германской узурпацией «избранности», раскрывающей себя на данный момент в жестоком уничтожении истинно избранного народа. Также и большевизм, согласно Булгакову, секуляризированная версия еврейского мессианства, который обосновывал в Советском Союзе преследование как христиан, так и, что парадоксально, евреев. Даже если Булгаков наряду с Бердяевым выделяет общности между еврейским и русским народом, он требует от евреев раскаяния за большевизм и рассматривает еврейскую скорбь как расплату за совершенный грех в отношении русского народа. Видение источника и преодоления всего зла в отрицании или же в принятии евреями Христа, по словам Роуэна Уильямса, в контексте 1940-х гг. «в высшей степени непроницательно [*crassly insensitive*]»³⁰⁹. Даже если Бердяев в этом вопросе и кажется более «проницательным», то вне сомнения оказывается тот факт, что, как Бердяев, так и Булгаков настаивали на универсальном требо-

³⁰⁸ Goldt R. Der Judasstoff in der russischen Literatur und Philosophie // Zelinsky B. Das Böse in der russischen Kultur. Köln, Weimar, Wien, 2008. S. 271–272.

³⁰⁹ Роуэн Уильямс (с 2002 епископ Кентерберийский) дает неоднозначную оценку: Булгакову ясно, что христианство несопоставимо ни с какой формой расизма. Проблематично же его убеждение, что нападения со стороны тоталитарной современности на церковь коренятся в еврейской секуляризации и ассимиляции. Уильямс критикует нежелание Булгакова признать неравенство между антисемитским насилием и еврейской враждебностью по отношению к христианству (даже в контексте 1941–1945 г.). Положительную сторону Уильямс видит в подчеркивании Булгаковым тесного родства иудаизма и христианство, и в том, что тот заметно интегрировал еврейскую мистическую и эзотерическую традицию в своем философско-теологическом труде. Поэтому его обращение с «еврейским вопросом» является одной из самых амбивалентных областей его мышления, в чем он в свое время был не одинок. Williams R. Bulgakov and Anti-Semitism // R. Williams. Sergii Bulgakov. Towards a Russian Political Theology. Edinburgh 1999. P. 293–303. См. также: Struve N. A. S. Bulgakov et la question juive // Cahiers du monde russe et soviétique. 1988. № XXIX (3–4). P. 533–540.

вании христианства, поскольку только общечеловеческое духовное познание Христа снимет различия между людьми, между «евреями и греками». Оба мыслителя были до последнего убеждены в том, что на Россию возложена особая «мессианская» задача проповедования и воплощения этой христианской истины³¹⁰.

Булгаков внимательно следил за событиями войны, он радовался из патриотических чувств победам советской армии над фашистской Германией. До последних дней жизни вновь обретенным, но глухим голосом он проводил утренние литургии и читал лекции по теологии в Институте св. Сергия. Булгаков оказывал поддержку своим «духовным детям», прежде всего, матери Марии (Елизавета Кузьмина-Караваева/Скобцова (1891–1945)) и священнику Дмитрию Клепинину (1904–1944), в антифашистской деятельности группы «Action Orthodoxe» французского сопротивления³¹¹. Оба были уничтожены в концентрационных лагерях³¹². Институт Св. Сергия часто навещало гестапо, поскольку здание до 1918 г. было во владении немцев. Ответственный за это немецкий офицер был сыном немецкого священника того времени и оберегал институт³¹³. Наряду с упомянутым выше, изданным лишь в 1991 г. текстом «Расизм и христианство» (1941–1942), Булгаков написал в эти годы еще «Размышления о войне» (1940 г., опублико-

³¹⁰ *Duncan P. J. S.* Russian Messianism. Third Rome, Revolution, Communism and after. London, New York, 2000. P. 46.

³¹¹ О «Матери Марии» Елена Микулина написала в 1983 г. соцреалистический роман, в котором мать Мария представлена как героиня и мученица в антифашистской борьбе, желающая покаяться за свои политические ошибки перед Советским государством. Ее теология и искусство в этом игнорировались. См. также: *Kahla E.* Return of the prodigal daughter: The portrait of the heroine in the soviet novel Mat' Marija // Russian Literature. 2006. № 59/1. P. 75–95.

³¹² *Монахиня Елена.* Профессор Протоиерей Сергей Булгаков. С. 291–293.

³¹³ *Arjakovsky A.* La génération des penseurs religieux. P. 575.

ван в 1997 г.³¹⁴), а также «Апокалипсис Иоанна (Опыт догматического истолкования)» (1948)³¹⁵. Аржаковский отмечает параллельный интерес к эсхатологии Булгакова и Бердяева, названный им «эпилогом поколения Вех»³¹⁶. Булгаков читает проповеди на военную тему. Зачастую он ссылается на строки из Библии: «Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец...» (Евангелие от Матфея, 24, 6.). Что касается России, то Булгаков говорил о внутреннем и внешнем насилии, нанесенном родине безбожной советской властью и немецкими нападениями. Прежде всего, он противился мысли о том, что Германия является орудием Бога в освобождении России³¹⁷.

Защиту творческого призвания человека он не связывал ни с какой политической системой. В своих проповедях Булгаков пытался наделить людей смелостью и усилить их личную и творческую ответственность за свою свободу: «Однако и в этом фатуме войны человек сохраняет духовную личность и творческую свободу, свою человечность. [...] Война, как и всякое испытание, не только ожесточает, но и углубляет человека, ставит его пред лицом вечности и Бога, переводя сознание из горизонтального в вертикальное измерение истории³¹⁸». Булгаков в своих «Размышлениях о войне» (1940) вспоминал о том, что войну и мир нельзя отнести однозначно к благу или ко злу, поскольку антагонизм добра и зла действителен в любом историческом периоде. Иногда война однозначно лучше, чем мир любой ценой: воинское бездействие (пацифизм) может иметь та-

³¹⁴ Булгаков С. Н. Размышления о войне // С. Н. Булгаков. Труды по социологии и теологии. М., 1996. Т. 2. С. 650–692.

³¹⁵ Монахиня Елена. Профессор Протоиерей Сергей Булгаков. С. 293–294.

³¹⁶ Arjakovsky A. La génération des penseurs religieux. P. 576.

³¹⁷ Булгаков С. Н. Во дни посещения Божия // С. Н. Булгаков. Слова, поучения, беседы. Париж, 1987. С. 501.

³¹⁸ Булгаков С. Н. Sursum corda! // С. Н. Булгаков. Слова, поучения, беседы. Париж, 1987. С. 490–491.

кие же страшные последствия, как и военные действия. Булгаков проповедовал активно дифференцирующую жизненную позицию, борющуюся против творческой пассивности и за осуществление «ософии твари», иначе говоря, «доброй сути» мира: «Вся человеческая жизнь и история есть единение Божественной и тварной Софии, ософие твари, для которого путем является история, война же есть история по преимуществу. Божественное начало, Премудрость Божия открывается в человеке не только в ее прямых вдохновениях, явленных в творчестве духа, но и в испытаниях, научениях жизненного опыта. (...) То, что от нас требуется, это — встретить трагические судьбы с софийной верой и достоинством. И тогда солнце не затмится, но взойдет в душах наших, и совершится то дело истории, которое хочет от нас Бог³¹⁹». Булгаков видит в возможности войны часть человеческого достоинства и свободы. Но в этом достоинстве, способствующем злу, человек не беспомощен, поскольку: «Не ради достоинства человеческого пришел Господь в мир, но чтобы спасти овца погибшее, которое Он удостоил своего образа³²⁰».

В этом и заключается различие между бердяевским и булгаковским образом человека-революционера:

У Бердяева человек наделен творческой задачей *помочь* Богу, защитить богочеловеческое достоинство от иррациональных, злых сил свободы: Человек трудится, чтобы наконец быть избавленным от этого мира: «Основное противоречие моей жизни всегда вновь себя обнаруживает. Я активен, способен к идейной борьбе и в то же время тоскую ужасно и мечтаю об ином, о совсем ином мире³²¹». Бердяев покинул «этот мир» в возрасте 74 лет 14 марта 1948 г. за своим рабо-

³¹⁹ Булгаков С. Н. Размышления о войне. С. 691.

³²⁰ Булгаков С. Н. С нами Бог (1943) // С. Н. Булгаков. Слова, поучения, беседы. Париж, 1987. С. 120. В 1943 г. Семен Франк пишет философско-религиозную работу под тем же заглавием «С нами Бог». Франк оказал значительное влияние на Булгакова.

³²¹ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 350.

чим столом с раскрытой Библией и недокуренной сигаретой. Он работал над новой книгой о «Творчестве»³²².

Человеческое достоинство по Булгакову состоит в «данной ему» человеческой свободе, чей трагизм разделяется Богом, и за счет этого возможно искупление: Человек избавлен, дабы на земле он мог сам творить, развивать свою божественную сущность: «То, что совершает человек на земле, всегда останется малым и недостаточным для него самого. Оно не должно давать места горделивому самодовольству. Однако и при этом может оставаться сознание ответственно исполняемого, хотя до конца и не исполненного долга. Поэтому человек должен и сам уважать свое собственное делание, если сам Бог к нему призывает, наделяя талантом всякого в его собственной мере. И совершаемое творческим усилием каждого дня трудового, как и всей жизни, в конце ее приносит человек на суд Богу, говоря: «Господи, этот талант дал Ты мне, а вот другие таланты я приобрел на них» (Мт. 25, 20–30)³²³».

Трагический опыт, когда созданный продукт никогда полностью не отвечает изначальному замыслу, Бердяев интерпретировал как преобладание зла в этом мире. Булгаков же рассматривал его как знак тому, что один человек способен на многое, но не на все и нуждается в диалоге и в сотрудничестве с Творцом и собратьями.

5 июня на 26 годовщину своего посвящения в духовный сан — по церковному календарю в день Святого Духа — Булгаков проводит свою последнюю литургию, после чего пьет чай со своими «духовными детьми». На следующую ночь с ним случается апоплексический удар, и он умирает тринадцатого июля 1944 г. в возрасте 73 лет³²⁴.

³²² *Arjakovsky A.* La génération des penseurs religieux, S. 581–582.

³²³ *Булгаков С. Н.* Ныне отпускаеши раба твоего, Владыко (1941) // С. Н. Булгаков. Слова, поучения, беседы. Париж, 1987. С. 159–160.

³²⁴ *Монахиня Елена.* Профессор Протоиерей Сергей Булгаков. С. 294–296. Многие свидетельницы говорят о его лице, озаренном радостью и весельем в последние дни жизни, «как будто он вел тайный потусторонний разговор».

Поразительной чертой на совместном, длинном и богатом опыте пути Бердяева и Булгакова является честность, при помощи которой оба мыслителя всегда пытались использовать свои знания в действии и осуществить «творческий посыл», в который они верили, считая себя прообразами Бога. Они были убеждены, что существует духовный мир, обосновывающий достоинство человека и делающий возможной «революцию» общественной системы ценностей, когда как слишком часто другие ценности (капитал, равенство, нация, традиция) подавляют человека и его творческую сущность. Бердяев искал эту духовную сферу за пределами этого мира, Булгаков же — внутри его. Отправной же точкой остался для них «этот мир», в котором оба мыслителя оставили неизгладимый след.